

чении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии.—В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 92—102. 12. Šramko B. A. Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentner von Buntmetallen in der Früheisenzeit. — Simposien zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa, Bratislava, 1974, S. 469—485.

Поступила в редколлегию 03.10.83.

В. И. КАДЕЕВ, д-р ист. наук,
С. Б. СОРОЧАН, канд. ист. наук

ЕГИПЕТСКИЕ И СИРИЙСКИЕ СВЕТИЛЬНИКИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э. ИЗ ХЕРСОНЕСА

В фондах Херсонесского историко-археологического музея имеются две группы привозных светильников, которые до настоящего времени не были предметом специального изучения. Между тем эти светильники позволяют дополнить научные представления о составе херсонесского импорта и торговых партнеров города. Задачей данной работы является выделение, описание, систематизация и датировка светильников, поступавших в Херсонес, как мы попытаемся доказать, из Египта и Сирии в I—IV вв. н. э.

Критериями выделения египетских светильников служат: типично египетский характер сюжетов их орнаментации, цвет глины (серо-желтый или розовато-коричневый с грязным оттенком); покрытие большинства изделий красно-бурым, тусклым, иногда почти черным лаком.

Светильников I—II вв. н. э. с египетскими сюжетами в Херсонесе известно немного. Определенно можно говорить о египетском происхождении светильника с изображением на щитке головы Зевса-Аммона [1, с. 51, № 352; 4, с. 114, 132, рис. 21]. В работе М. М. Кобылиной этот светильник датируется противоречиво: в одном случае — не ранее II в. н. э. [4, с. 114], в других — I в. н. э. [4, с. 132, 155]; допущена также неточность в описании рожка светильника. Он имеет четко очерченный, но глубоко посаженный сердцевидный рожок, однако плечи его, украшенные двойными овами, слишком узки для изделия II в. н. э. Очевидно, его следует отнести к последней трети I в. н. э.

Имеющееся на других светильниках изображение бюста Сераписа с модиусом на голове [ГХМ, инв. № 1584; 4, с. 126—127, рис. 9] также указывает на Египет как место их изготовления. Вероятно, можно говорить об Александрии, где во II в. н. э. был восстановлен Серапеум, украшенный изображением бога, восседающего на троне [7, р. 233; 11, р. 138]. В пользу египетского происхождения говорят техника исполнения и форма тулова, приближающаяся к яйцевидной. Хотя гладкие плечи изделия представляют, скорее, исключение для продукции египетских мастерских, короткий округлый рожок является наиболее рас-

пространенным наряду с сердцевидным [12, р. 110—111]. Аналогичные признаки имеют три светильника с изображениями Сераписа между змеями [1, с. 48, № 312; 4, с. 126, рис. 8, 9] и светильник с Исидой между Анубисом и Гарпократом [1, табл. XXIII, 315; 4, с. 129, 148, рис. 13]. В имеющихся публикациях последний светильник датируется II в. н. э. [4, с. 117, 129, 148].

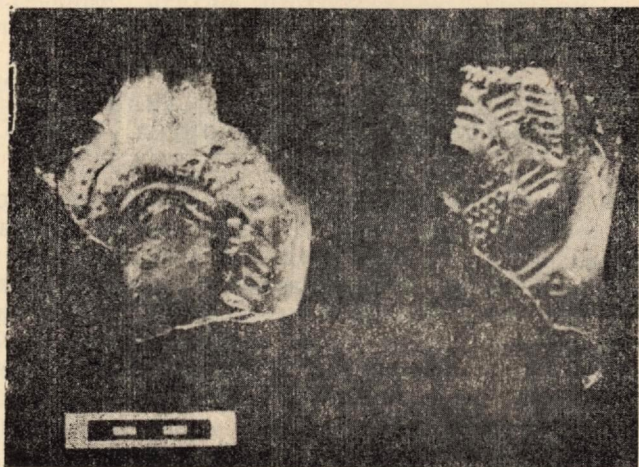

Рис. 1

Однако сравнение его с аналогичными светильниками позволяет установить, что округлая форма рожка и широкие плечи характерны для изделий III в. н. э. [8, р. 96, fig. 124, № 441, tip XX; 9, s. 61, № 326, s. 68, № 391, 392].

С IV в. н. э. в Херсонесе заметно увеличивается импорт из Северной Африки [5, с. 150—151; 6, с. 11]. Это нашло отражение и в появлении однотипных египетских светильников с изображением на щитке «знака жизни». Кроме светильника, опубликованного М. М. Кобылиной [4, с. 135, 160, рис. 27], в собрании Херсонесского музея имеется еще девять подобных изделий [ГХМ, инв. № 1177, 16258, 16347, 16387, 16482 и др.]. Их отличает приближающаяся к яйцевидной форма тулова шириной от 6,5 до 7,5 см, узкие, покатые плечи; широкая наклепная желобчатая петлевидная ручка и округлый слабо выступающий рожок, шейка которого украшена пояском из четырех «глазков» и парных рубчиков по бокам (рис. 1). Дно светильников слегка вогнуто. Для этих светильников типичны красновато-коричневые тона довольно грубого и плотного черепка, иногда покрытого неровным бурым жидким лаком под цвет глины. Как и все поздние керамические изделия, светильники сделаны небрежно. Единственным заметным их отличием друг от друга служит отсутствие или, напротив, наличие на плечах рельеф-

ного декора в виде двух стилизованных извивающихся змей, ползущих от ручки к рожку. Такие светильники, получившие название коптских, были широко распространены по всему Египту и как предмет экспорта оказывались в самых отдаленных районах Средиземноморья и Причерноморья как в IV веке, так и в V в. н. э. [7, Tabl. 107, № 356; 10, p. 159, Pl. III, 12].

Во II—III вв. н. э. в Сирии и, в частности, в Антиохии существовало широкое местное производство светильников. Эти светильники не имели ручки и покрытия лаком, с очень бедной орнаментацией на плечах и с низким качеством рельефных изображений на щитках, иногда почти неразличимым. Глина антиохийских светильников — от бледно-желтого до коричневого цвета. Часть этих изделий имеет на дне врезные сигнатуры с именами мастеров — Дионис, Зоил, Феодосий, Феодор [13, с. 65].

Среди импортных светильников, найденных в Херсонесе, имеется группа изделий совершенно аналогичных антиохийским и по форме, и по качеству рельефа на щитке, изготовленных из бледно-желтой глины, иногда с розоватым оттенком, без покрытия лаком, что позволяет отнести их к числу сирийских. На это указывает и обнаруженная на части светильников врезная сигнатура с именем мастера Феодора.

Одним из наиболее ранних сирийских светильников в Херсонесе, очевидно, следует считать светильник из бледно-желтой глины, который по обеим сторонам круглого тулова диаметром 6,5 см имеет своеобразно изогнутые выступы-волути (рис. 2) [ГХМ, инв. № 1658]. Эти стилизованные рудименты декора и слабовыступающий сердцевидный рожек позволяют датировать светильник не ранее второй половины II в. н. э. Особенностью этого светильника является редко встречающийся щиток, который выполнен в виде пяти вложенных друг в друга пологих конусов. О. Вальдгауэр относил сходный светильник к числу египетских [1, с. 55, № 421]. Однако совершенно аналогичные и по форме, и по цвету черепка изделия встречаются, главным образом, в Антиохии, где они производились в конце II в. н. э. [14, д. 63, Pl. IX, № 168, 1459].

Известны в Херсонесе десять светильников из мастерской Феодора. Ее изделия отличает бледно-желтый, иногда с легким розовым оттенком цвет, тонкий легкий черепок, круглая форма уплощенного невысокого тулова без ручки. Судя по нечеткому изображению на щитках, продукция этой мастерской делалась в старых, долго находившихся в употреблении формах, которые

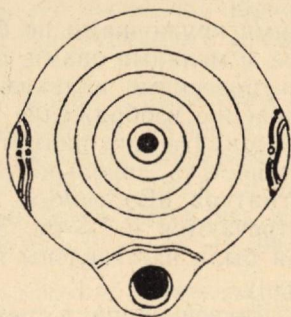
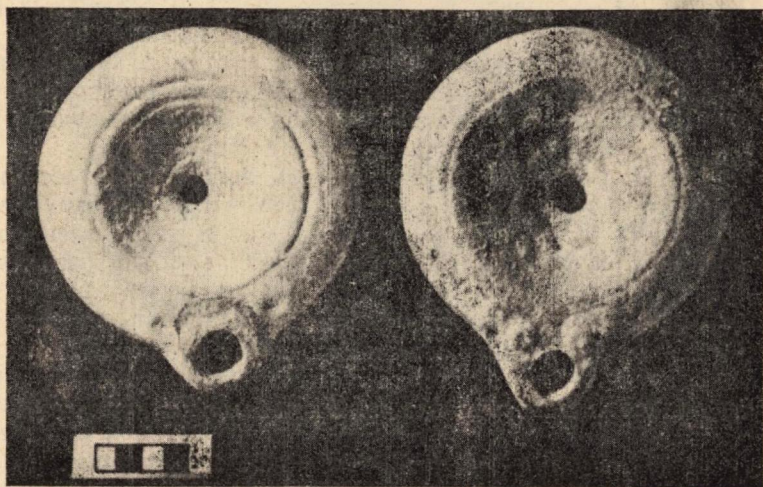

Рис. 2.

давали стертый слабый оттиск. Однако и в таком виде эти изделия пользовались спросом не только на местном, но и на внешнем рынке. Хотя светильники этой мастерской однотипны, среди них можно выделить два варианта. Первый вариант (рис. 3, б) представлен четырьмя клеймеными [ГХМ, инв. № 8794/2, 18/36911, 16590, 8483] и двумя неклеяемыми светильниками [инв. № 8794/2, 8794/1]. Они имеют округлый небольшой рожек, украшенный псевдоволутиами и двумя врезными концентриче-

а

Рис. 3

б

скими кружочками по бокам от них. Плечи светильников покатые, с мелкими овами, отделены от вогнутого щитка двумя концентрическими валиками. На щитках оттиснуто с трудом различаемое изображение венка из виноградной лозы с гроздьями плодов. На дне диаметром 3,7—4 см, обведенном врезной окружностью, довольно слабо оттиснутая трехстрочная врезная сигнатура $\theta\epsilon\omicron\Delta\omicron\rho/\omicron/\gamma$. Диаметр светильников 6,6—7,2 см, но встречаются и 7,5 см. Это может свидетельствовать о том, что они были изготовлены в разных формах, хотя и по одному образцу.

Другой вариант светильников из мастерской Феодора (рис. 3, а) представлен четырьмя экземплярами [ГХМ, инв. № 16596, 16611, 1649, 959], но сигнатуры имеются не на всех светильниках, а только на одном [инв. № 16611], и тоже в трехстрочной надписи имени «Феодор». Рожок у светильников этого варианта имеет слабо выраженную сердцевидную форму, щиток гладкий, за исключением одного светильника [ГХМ, инв. № 959] с двумя венками между двумя ветвями лавра (?) на щитке. И толь-

ко на шейках светильников имеются вдавленные кружки, а иногда по плечам орнамент из ряда двойных концентрических кружков с точками между ними.

Учитывая, что два светильника из мастерской Феодора были найдены в могилах III—IV вв. н. э. [2, л. 2, 18, № 3251, 3256; ГХМ, инв. № 16596; 16611], а один — в склепе с материалами II — нач. IV вв. н. э. [3, л. 8—9, 12], можно говорить о том, что продукция этой мастерской поступала в Херсонес не ранее III в. н. э. Такую датировку подтверждают и внешние особенности изделий. Они имеют глубоко посаженный сердцевидный рожок, теряющий свою первоначальную форму, и сравнительно небольшой щиток, тогда как плечи довольно широкие.

Сирийские светильники IV в. н. э. представлены в Херсонесе редким светлоглиняным экземпляром грушевидной формы, шириной 6,7 см [ГХМ, инв. № 1208]. На его плечах оттиснута слаборельефная схематически изображенная лоза с кистями винограда (рис. 4). Характерной особенностью этого светильника является большое отверстие для горючей жидкости диаметром 1,9 см, заменяющее щиток, и полая ручка с глубоким желобком, который берет свое начало на шейке рожка. Подобные изделия обнаруживают полное сходство с одной из групп светильников антиохийского производства [14, р. 65—66, IX; Р1. X, № 814]. Очевидно, это последние образцы сирийской позднеантичной продукции, поступавшие в такой отдаленный центр, как Херсонес.

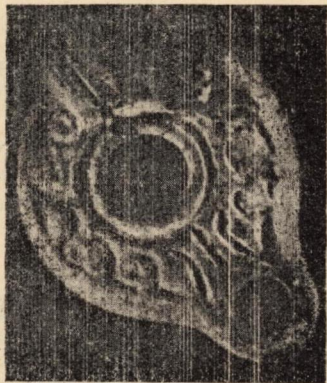

Рис. 4

В результате исследования удалось уточнить датировки импортных светильников из Херсонеса, пополнить группу египетских изделий и выделить новую группу, которая свидетельствует о существовании торговых связей с Сирией. Судя по этим находкам, светильники из указанных областей появились в городе в конце I—II вв. н. э. и поступали вплоть до IV—V вв.

Список литературы: 1. Вальдгауэр О. Античные глиняные светильники. СПб., 1914.— 68 с. 2. Дневник раскопок Р. Х. Лепера за 1911 г.— Архив ГХМ, д. № 85. 3. Золотарев Х. И., Рыжов С. Г. Отчет о раскопках склепа западного некрополя Херсонеса (ул. Н. Островского) в 1975 г.— Архив ГХМ, д. № 1781. 4. Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978. — 214 с. 5. Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. Харьков, 1970. — 164 с. 6. Сорочан С. Б. Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э.— V в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.— 16 с. 7. Bernhard M. L. Lampki starożytnie. Warszawa, 1955. 384 s. 8. Iconomu C. Opaite greco-romane. Bucuresti, 1967. 166 p. 9. Heres G. Die römischen Bildlampen der

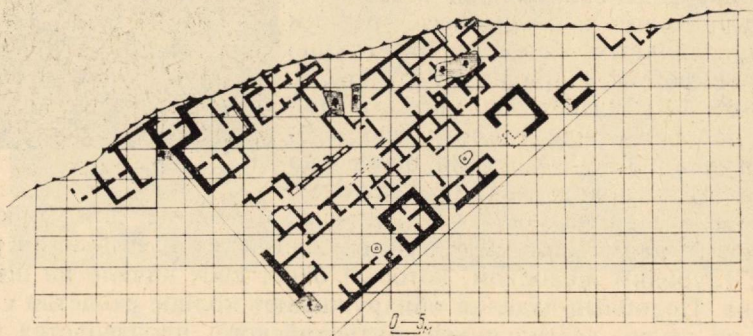
Berliner Antiken-Sammlung. Berlin, 1972. 112 S. 10. *Scorpan C.* Descoperiri arheologice diverse de la Sacidava. *Pontica*, 1978, 11, p. 155—180. 11. *Shent-leleky T.* Ancient Lamps. Budapest, 1969. 158 p. 12. *Shier L. A.* Roman Lamps and Lamps Makers of Egypt.—*American Journal of Archaeology*, 1953, v. 57, n. 2, p. 110—111. 13. *Waage F. O.* The Lamps.—In.: *Antioch-on-the-Orontes. The Excavations of 1937—1939*. v. 3. Princeton, 1941, p. 55—82. 14. *Waage F. O.* The Lamps.—In.: *Antioch-on-the-Orontes. The Excavations of 1932*. v. 1. Princeton, 1934, p. 58—66.

Поступила в редколлегию 15.10.83.

В. А. ЛАТЫШЕВА, канд. ист. наук

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ МАСЛИНЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

С 1972 г. экспедицией Харьковского университета ведутся раскопки поселения Маслины, расположенного в Северо-Западном Крыму (Черноморский р-н Крымской обл.) в 2 км к за-

План укрепления на Маслинах

паду от с. Северного. Материалы и наблюдения, накопленные в ходе полевых сезонов 1972—1982 гг., позволяют сделать некоторые выводы относительно характера исследуемого памятника, а также поставить вопрос о месте поселения Маслины среди уже известных памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму.

Общая площадь древнего поселения, вытянувшегося вдоль берега Каркинитского залива, составляет около 1,5 га, причем 1/3 ее уже уничтожена морем [9, с. 99]. К настоящему времени полностью открыта западная часть поселения, представлявшая собой укрепление. Относительно хорошая сохранность строительных остатков позволяет с уверенностью судить о его внутренней планировке.

Укрепление имело форму прямоугольника размером 50××80 м и представляло собой густую сеть строений из камня с элементами регулярной застройки (рисунок). В качестве основной планировочной единицы выступала башня с двором и помещениями, группировавшимися по периметру двора. Орга-

низованный таким образом строительный комплекс представлял собой единый организм с жилыми, оборонительными и хозяйственными функциями. В пределах западной части поселения открыто три таких башенных комплекса — южный, западный, восточный; в древности существовал также комплекс четвертой, северной башни, ныне уничтоженной морем.

Башенные блоки, включая в себя как составную часть жилые помещения, очевидно, пользовались определенной хозяйственной самостоятельностью. Вместе с тем все они входили в одну систему укрепления. Самостоятельность башенных комплексов ограничивалась, главным образом, хозяйственными функциями и даже в этой области не была абсолютной.

Еще в большей степени взаимосвязь башенных комплексов проявлялась при обеспечении оборонительных функций. На существование единой системы укрепления указывает как расположение башен — угловое или пограничное, так и остатки довольно мощных стен, ограничивавших прямоугольное укрепление с северо-запада, юго-запада и юго-востока, но уцелевших, однако, не на всем протяжении. По толщине они сопоставимы только со стенами башен (0,80 м) и, очевидно, вместе с ними выполняли роль внешних оборонительных линий и узлов для всего укрепления в целом.

Анализ строительных остатков и вещевого материала, найденного в ходе раскопок, позволяет моделировать возникновение конструкции четырехбашенного укрепления как процесс многоактный, как результат постепенного роста первоначального ядра, имевшего облик однобашенной усадьбы.

Ядром, с которого начиналось строительство укрепления на Маслинах, был комплекс южной башни. Эта башня имеет ряд отличительных особенностей, позволяющих выделить ее среди прочих строений на поселении и с достаточным основанием говорить о ее более раннем возникновении. Южная башня превосходит остальные своими размерами, имеет наиболее развитый внутренний план, наконец, ее отличает высокий уровень технических приемов, примененных строителями, особая тщательность обработки камня. Кладка южной башни велась из квадратных блоков с очень тщательной отеской всех стыкующихся граней и обработкой внешнего фаса под руст. Эта техника выдает манеру опытного каменотеса высокой квалификации [5, с. 133] и находит аналогии среди памятников греческого монументального зодчества IV в. до н. э. [3, с. 369, 373, табл. 3]. Следует также отметить, что подавляющее большинство ранних клейм, найденных на территории укрепления, также связано с комплексом южной башни. Это клейма с именами астино-

мов Батила, Ксанфа, с монограммой . Сравнительно недавно их датировали концом IV—началом III вв. до н. э. [2,

с. 105—106; 4, с. 114—115, 118—119]. В настоящее время в связи с наметившейся среди специалистов тенденцией к удревнению традиционной хронологии датировку указанных клеем ограничивают последней третью IV в. до н. э. [16, с. 147]. К данному периоду, очевидно, следует отнести и возникновение первоначального комплекса южной башни.

Можно полагать, что какое-то время укрепление ограничилось пределами однобашенной усадьбы. Будучи укрепленной, она не погибла в начале III в. до н. э., как это случилось с неукрепленными усадьбами на поселении Панском [19, с. 65], и продолжала расти, поначалу — в пределах исходного комплекса, за счет сокращения двора, появления на его территории второй линии помещений. Однако эти возможности были ограниченными и, конечно, не могли в полной мере удовлетворить потребности поселения, растущего, видимо, не только за счет естественного прироста населения, но и за счет притока новых поселенцев. Дальнейший рост поселения мог происходить в основном посредством освоения территории за пределами первоначального комплекса южной башни, путем постройки аналогичных башенных комплексов. Их возникновение, однако, происходило не стихийно: заранее была спланирована система четырех башен, связующим звеном которой являлся большой прямоугольный двор в центре; вокруг двора группировались башенные комплексы. Таким образом, планировка укрепления в целом была подчинена тому же принципу, какой прослеживается в каждом отдельном звене.

Конструкция четырехбашенного укрепления сложилась не сразу, на ее возведение понадобилось время, и осуществлялось оно в определенной последовательности. Однако композиционный образ всей системы планировался заранее. На это указывают логическая завершенность всей конструкции, принявшей в окончательном варианте четко выраженный прямоугольный план, единая система ориентации для всех строительных остатков, регулярный характер внутренней застройки, уравновешенность отдельных звеньев укрепления.

Строительство четырехбашенного укрепления было осуществлено, главным образом, в течение первой половины III в. до н. э., по крайней мере к середине этого века оно уже существует во всех своих звеньях, так как, начиная с указанного времени, массовый археологический материал присутствует уже на всей территории укрепления.

В следующий строительный период застройка велась уже в черте четырехбашенного укрепления, на территории внутреннего центрального двора. Площадь его сокращается вследствие появления новых жилищно-хозяйственных блоков, более скромным по своим размерам и уже без башен. Расположенные внутри укрепления, они не несли самостоятельных стратегических функций, но их внутренняя структура в значительной мере

воспроизводила планировку башенного комплекса: помещения, если они не были связаны с центральным двором, группировались вокруг собственного небольшого внутреннего дворика, выступавшего в качестве композиционного центра такого блока. Эта застройка внутри укрепления шла во второй половине III в. до н. э.

Наконец, в последний период жизни поселения, в конце III—начале II вв. до н. э., появляются строения и за пределами прямоугольного укрепления. Время их возведения определяется находками клейм самых поздних хронологических групп херсонесского и синопского клеймения и отсутствием более раннего материала.

Представляется важным сопоставить укрепление на Маслинах с другими памятниками античной эпохи в Северо-Западном Крыму, чтобы определить место исследуемого укрепления среди них, выявить круг возможных аналогий и таким образом глубже изучить его природу и характер.

В Северо-Западном Крыму отсутствуют конструкции из четырех башен, совпадающие во всех деталях с укреплением на Маслинах, хотя в Восточном Средиземноморье подобные тетралитры *ca* хорошо известны [20, с. 137].

Но, несмотря на несомненное единство архитектурно-планировочных решений в домостроительстве всего эллинистического мира [14, с. 133] при определении типологической близости памятников, думается, нет необходимости искать их полного тождества, совпадения всех деталей. Количество башен, их размеры, расположение могли варьироваться в зависимости от конкретных условий — экологических, демографических, стратегических, от продолжительности жизни поселения и пр. Для определения типологической принадлежности памятника следует выявить наиболее существенные признаки его конструкции, принципы, которые лежат в основе планировки в целом. Они и должны выступать в качестве единицы измерения, служить своеобразным модулем для определения степени сходства отдельных поселений.

Для укрепления на Маслинах конструктивным звеном, лежащим в основе всей его планировочной системы, является башня с двором и помещениями, идущими по периметру. Эта конструкция в основных чертах восходит к планировке греческого дома с характерным для него принципом расположения взаимосвязанных помещений вокруг внутреннего двора [8, с. 105; 13, с. 244—245]. Особенность застройки на Маслинах состоит в том, что здесь обычная для греческого домостроительства блочная структура включает в себя в качестве ведущего элемента башню. Исходные по времени аналогии для такой конструкции в Северо-Западном Крыму обнаруживаются непосредственно в округе Херсонеса, в планировке сельскохозяйственных

усадб на Гераклејском полуострове [6, с. 29—30; 7, с. 292; 17, с. 314; 19, с. 88].

Единство основных принципов планировочных решений, примененных строителями на Гераклејском полуострове и на Маслинах, в сочетании с близостью общего облика материальной культуры позволяет рассматривать Маслины как поселение херсонесской хоры [11, с. 33—35]. Причины возникновения этого поселения, его исторические судьбы неотделимы от истории Херсонеса и его хоры.

Социально-экономическое развитие Херсонеса с неизбежностью порождало такой специфический для государств с полисной организацией феномен, как колонизация. При тогдашнем уровне развития производительных сил рост Херсонеса был возможен лишь на пути экстенсивного развития экономики, за счет вовлечения в сферу эксплуатации новых земель. Проявлением такой экстенсификации и стало освоение Херсонесом северо-западного побережья Крыма. Во второй половине IV в. до н. э. сюда устремилось избыточное население растущего полиса [1, с. 567—568], осваивая новые территории в привычных для себя формах. Вдоль всего побережья возникла целая цепь земледельческих поселений, как укрепленных, так и неукрепленных. В их числе были и Маслины.

В вопросе типологии поселений, существовавших на территории херсонесской хоры, автор исходит из того, что в основе каждого из поселений лежала сельскохозяйственная усадьба, представлявшая в композиционно-планировочном отношении комплекс взаимосвязанных помещений, жилых и хозяйственных, группирующихся вокруг внутреннего двора, центра всей композиции [17, с. 14]. Формы организации сельскохозяйственных усадеб на территории херсонесской хоры выступали в нескольких вариантах. Материалы археологических исследований в Северо-Западном Крыму позволяют выделить три основных типа сельских поселений: 1) отдельно стоящая усадьба, укрепленная (Ойрат, Окуневка-1, Панское-III) или неукрепленная (Гроты); 2) комплекс усадеб, укрепленных (Беляус, Чайка) или неукрепленных (Панское-I); 3) укрепление в сочетании с открытым поселком (Тарпанчи). К последнему типу относятся и Маслины.

В составе поселения Маслины отчетливо обнаруживаются две различные по характеру части: к укреплению, локализованному в западной части, с востока примыкал открытый поселок [9, с. 99]. Культурный слой в восточной части поселения идет на убыль (в среднем 0,60 м против 1,20—1,50 м — в западной части), башни исчезают, строения из камня сменяются деревянными конструкциями, жилищами полужемляночного типа [12, с. 272—273]. Показательно, что ориентация открытых здесь строений полностью совпадает с ориентировкой башен и всех остальных каменных строений укрепления, наталкивая на вы-

вод о существовании единой системы ориентации для всех строительных остатков поселения. В облике материальной культуры, который в значительной мере определяется характером керамики, тоже много общего. На территории селища найдены типы амфор, столовой посуды, хорошо известные по материалам раскопок укрепленной части поселения. Это по преимуществу продукция херсонесских мастерских; значительное количество (до 30%) составляет лепная керамика.

Изложенное позволяет сделать заключение о несомненной взаимосвязи укрепления и поселка, наметить пути решения вопроса о хронологическом соотношении западного укрепления и поселка на восточной окраине. Анализ наиболее массового материала — амфорных обломков — показывает, что на восточной окраине значительный процент составляют ранние типы херсонесских амфор. Среди керамических клейм чаще, чем на территории укрепления, встречаются херсонесские образцы ранней группы, датируемые последней третью IV — первой половиной III вв. до н. э. (астиномы Эсхин, Герократ сын Невмения, Дамотел, Ксанф, Нанон и др.). Учет этих материалов дает возможность уточнить представления о начальном этапе освоения и застройки будущего поселения.

Очевидно, самый ранний период в жизни поселения Маслины связан с освоением его восточных окраин. Здесь уже в последней трети IV в. до н. э. появились наземные деревянные строения, жилища полуземляночного типа, в которых жили первые поселенцы. С самого начала, видимо, планировалось и создание укрепления. Закладка фундамента южной башни тоже относится к последней трети IV в. до н. э. Однако, пока возводился весь комплекс построек, связанных с этой башней, жизнь поселенцев ограничивалась территорией открытого поселка.

С возникновением четырехбашенного укрепления открытый поселок не прекратил своего существования и, судя по археологическим материалам последних лет, являлся районом сосредоточения жилых кварталов и мастерских простого люда, занятых местными ремеслами. На последнее обстоятельство указывают находки в этом районе значительного количества шлакованных пород, отходов бронзового литья, заготовок металла в виде свинцовых прутьев, лома, а также готовых металлических изделий (железные гвозди, ножи, бронзовый проволочный brasлет и пр.).

Думается, существование наземных и полуземляночных жилищ на территории открытого поселка следует объяснять не столько присутствием негреческого элемента, сколько — прежде всего — первоначальной стадией освоения территории поселения. В дальнейшем различия между укреплением и открытым поселком определялись социальными факторами, которые

обуславливали различную функциональную роль этих частей в составе одного поселения.

Основным видом хозяйственной деятельности населения Маслин было земледелие, причем его профиль можно с уверенностью определить как зерновой. В ходе раскопок поселения найден обильный и разнообразный материал, позволяющий восстановить полный цикл земледельческих работ, начиная от техники обработки почвы и кончая хранением и переработкой зерна. Каких-либо следов виноградарства и виноделия на Маслинах обнаружить не удалось. Поселение явно специализировалось на выращивании зерновых, которое несомненно имело товарный характер.

Потребителем хлебной продукции, производившейся на Маслинах, выступал Херсонес. Зерно шло в обмен на изделия городского ремесла, в которых нуждались земледельческие поселения херсонесской хоры (керамическая тара, столовая посуда, терракота, светильники, металлические изделия и пр.). Поставщиками данных изделий были херсонесские мастерские: около 70% амфор, найденных на Маслинах, импортированы из Херсонеса; для столовой посуды этот процент еще выше [10, с. 59].

Таким образом, поселение Маслины, возникнув в результате колонизации Херсонесом прибрежных земель в Северо-Западном Крыму, существовало не в изоляции. На протяжении всей своей истории оно поддерживало самые тесные экономические контакты с Херсонесом. Обмен носил взаимовыгодный характер, будучи результатом разграничения производственных функций между полисом и хорой [11, с. 33—35].

Интенсивные экономические связи поселения Маслины с Херсонесом были прекращены примерно в середине II в. до н. э. в результате военного нападения, сопровождавшегося пожарами, разрушениями и полной гибелью поселения. В пользу такой датировки говорят найденные в значительном количестве (ок. 30 экз.) херсонесские клейма самой поздней хронологической группы и синопские клейма, относящиеся в подавляющем большинстве к V и VI хронологическим группам.

Жизнь на Маслинах более не возродилась, к середине II в. до н. э. Херсонес окончательно утратил эти земли. В херсонесском полисе не было достаточно эффективных средств контроля и обеспечения власти Херсонеса над освоенными им землями. Средства защиты полиса, как и все институты его управления, с момента своего возникновения были рассчитаны на одну городскую общину и не могли обеспечить реальную власть территориально растущего государства над столь удаленными землями. В этих условиях земледельцы Маслин в случае военной опасности должны были защищать себя сами, надеясь на стены своих укреплений, а не на военную помощь Херсонеса. Этим обстоятельством, очевидно, и следует объяснить неординарную монументальность построек на Маслинах, создание си-

стемы четырехбашенного укрепления. Возможно, в политической структуре Херсонесского государства этому поселению отводилась роль форпоста на северной окраине херсонесской хоры. Однако на практике стратегические возможности одного поселения, не подкрепленные никакими серьезными гарантиями со стороны Херсонеса, оказались весьма ограниченными, а власть Херсонеса над жизненно важными для него территориями — непрочной и непродолжительной.

Список литературы: 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. 2. *Ахмеров Р. Б.* Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 4, с. 99—123. 3. *Блаватский В. Д.* Античная архитектура на территории Северного Причерноморья. — В кн.: Всеобщая история архитектуры. — М., 1948, Т. 2, кн. 2, с. 367—414. 4. *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, 11, 1974, с. 99—124. 5. *Карасев Н. А.* Развитие строительно-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья (VII—I вв. до н. э.). — В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 126—138. 6. *Кругликова И. Т.* Сельские усадьбы херсонеситов в эллинистический период. — В кн.: Всесоюз. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической археологии». Тез. докл. Харьков, 1980, с. 29—30. 7. *Кругликова И. Т.* Раскопки усадьбы на Гераклейском полуострове. — В кн.: Археологические открытия 1979 г. М., 1980, с. 292. 8. *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии (IV—II вв. до н. э.). Киев, 1971. 165 с. 9. *Латышева В. А.* Новые поселения античного времени в Северо-Западном Крыму. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. Киев, 1975. Ч. 2, с. 99. 10. *Латышева В. А.* Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму. — КСИА, 1978, вып. 156, с. 53—61. 11. *Латышева В. А.* Поселение Маслины в Северо-Западном Крыму и его место в составе херсонесской хоры. — В кн.: Всесоюз. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии». Тез. докл. Харьков, 1980, с. 33—35. 12. *Латышева В. А.* Раскопки поселения Маслины. — В кн.: Археологические открытия 1980 г. М., 1981, с. 272—273. 13. *Леви Е. И., Карасев А. Н.* Дома античных городов Северного Причерноморья. — В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955, с. 215—247. 14. *Максимова М. И.* Строительная техника. — В кн.: Эллинистическая техника. М.; Л., 1948, с. 57—190. 15. *Михлин Б. Ю.* К изучению херсонесских керамических клейм. — ВДИ, 1979, № 2, с. 139—159. 16. *Николаенко Г. М.* Исследования на земельных наделах Гераклейского полуострова. — В кн.: Археологические открытия 1979 г. М., 1980, с. 314. 17. *Наман Дж.* Типология греческих сельских усадеб классического и эллинистического времени (V—II вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. 23 с. 18. *Стржецкий С. Ф.* Клery Херсонеса Таврического. — ХС, VI. Симферополь, 1961. 246 с. 19. *Щеглов А. Н.* Тарханкутская экспедиция в 1969—1975 гг. — КСИА, 1978, вып. 156, с. 61—68. 20. *Nowicka M.* Les maisons a tour dans le monde grec. — Bibliotheca antiqua, vol. XV, 1975. 159 с.

Поступила в редколлегию 10.10.83.

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
193—197 гг. В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

Завершающим этапом гражданской войны 193—197 гг. в Римской империи явилась война между бывшими союзниками Септимием Севером и Клодием Альбином. Начало данного этапа гражданской войны было связано с дальнейшим обострением социальных противоречий в римском рабовладельческом обществе, включением в борьбу за господство в империи вынужденно пассивной до этого фракции господствующего класса — крупных землевладельцев и знати западных провинций римского государства, защитником интересов которых с конца 196 г. стал Клодий Альбин.

События заключительного этапа гражданской войны 193—197 гг. весьма сжато изложены в имеющихся в нашем распоряжении нарративных источниках. Видимо, именно этим можно объяснить тот факт, что в советской историографии борьба за господство в Римской империи между Септимием Севером и Клодием Альбином не нашла широкого освещения. В зарубежной историографии эти события изучены в большей степени [3, с. 186—199; 12, с. 80—98; 18, с. 6—18]. Однако по некоторым аспектам проблемы у зарубежных историков нет единого мнения, отдельные моменты войны между Септимием Севером и Клодием Альбином освещены в их работах, думается, не совсем верно. В связи с этим представляется необходимым дополнительное исследование заключительного этапа гражданской войны 193—197 гг. в Римской империи на основании свидетельств не только нарративных, но и эпиграфических и нумизматических источников, а также критического анализа того, что уже достигнуто в исследовании данной проблемы другими историками.

Война между Септимием Севером и Клодием Альбином началась осенью 196 г., когда Клодий Альбин, бывший до этого союзником и соправителем Септимия Севера с титулом цезаря, объявил себя августом и высадился с войсками в Британии в Галлии [2, с. 83—90].

Соотношение военных сил на этом этапе гражданской войны было в пользу Септимия Севера еще в большей степени, чем во время его борьбы с Песценнием Нигром. Ядром армии Клодия Альбина были три легиона Британии — II Augusta, VI victrix, XX Valeria victrix [19, с. 107]. Видимо, начиная войну с Севером, Альбин надеялся на поддержку наместников и легионов других провинций Запада империи. Но его надежды не оправдались. Хотя наместник Ближней Испании Л. Новий Руф был позже казнен как сторонник Альбина, подчиненный ему легион VII gemina остался верным Северу и после окончания войны по-

лучил почетный эпитет «благочестивый» (pia) [15, № 1139]. Четыре легиона Германии также сохранили верность Септимию Северу. Уже после гибели Клодия Альбина против Севера выступил легион Аравии III Сугенаиса [21, v. Sev., XII]. Но следует согласиться с мнением М. Платнавера, что вряд ли солдаты этого легиона были приверженцами Альбина [19, с. 111].

Кроме легионеров, в распоряжении Клодия Альбина были солдаты вспомогательных соединений Британии. Высадившись в Галлии, он провел набор солдат для вспомогательных войск. Здесь на его сторону перешло единственно регулярное воинское соединение — XIII городская когорта, бывшая гарнизоном Лугдуна [3, с. 195]. Исходя из того, что на пути к Галлии полководцы Септимия Севера боролись со сторонниками Альбина в Норике [3, с. 190], а после победы Севера в войне проводились карательные мероприятия в Испании и Африке [3, с. 195—196], можно сделать вывод, что Альбина поддержала часть населения названных провинций. По подсчетам А. Бирли, в подчинении Клодия Альбина в Британии было не более 40 тыс. солдат, и вновь набранные им войска уже после его выступления против Севера не могли превышать это число [3, с. 195].

Септимий Север располагал более крупными военными силами. Из 30 легионов римской армии только три перешли на сторону его бывшего союзника. Даже если те девять легионов, которые в свое время поддерживали Песценния Нигра, не приходилось считать полностью благонадежными, и если учитывать, что участвовавшие в войне с Нигром и восточными соседями империи легионы понесли определенные потери, все равно у него было намного больше солдат, чем у Альбина. Кроме легионеров, в его распоряжении находились солдаты вспомогательных войск и гарнизон столицы, а также новая преторианская гвардия. Несравненно большей была и находившаяся под его властью территория, которая предоставляла Септимию Северу более значительные материальные и людские ресурсы.

Но, конечно, не все имевшиеся у Септимия Севера военные силы были использованы в борьбе с Клодием Альбином. Легионы, размещенные в восточных провинциях империи, не принимали участия в западном походе Севера. Легионы Африки и Испании также оставались в своих провинциях. Ядро войск, выступивших против Клодия Альбина, составили легионы, которые Септимий Север взял с собой во время похода против Песценния Нигра. Клавдий Кандид возглавлял в войне с Альбином иллирийскую армию [6, II, 4114; 15, № 1140], а Марий Максим — легионы Мезии [6, VI, 1450; 15, № 2935]. Некоторые исследователи считают, что Клавдий Клавдиан возглавлял вексиляции дакийских легионов [6, VIII, 7978; 15, № 1147] в походе против Клодия Альбина [1, с. 81; 18, с. 16]. Но А. Добо предполагает, что они участвовали в восточном походе Септимия Севера [7, с. 76]. По мнению же Й. Фитца, эти вексиляции

ции были использованы и в восточном, и в западном походах Севера [8, с. 91—92]. Существование различных точек зрения по данному вопросу объясняется тем, что текст надписи, в которой содержится *sirsus honoꝛum* Клавдия Клавдиана, не позволяет точно определить, в борьбе с каким противником Септимия Севера он возглавлял эти войска. Естественно, что в военных действиях на стороне Септимия Севера участвовали легионы соседней с занятой Альбином Галлией Германии. Впоследствии именно из легионеров Германии был набран новый гарнизон Лугдуна [19, с. 163].

Видимо, кроме регулярных воинских частей, определенную помощь Септимию Северу оказали и отряды населения Галлии, поднимавшегося на борьбу с войсками Клодия Альбина. Об одном из таких отрядов, во главе со школьным учителем Нумериантом, сообщает Дион Кассий [5, 76, 5, 1—2].

Таким образом, соотношение сил на заключительном этапе гражданской войны было явно не в пользу Клодия Альбина. Но следует отметить, что по своим боевым качествам войска Британии, составлявшие ядро армии Альбина, не уступали солдатам придунайских провинций. Это проявилось в ходе военных действий на Западе и объясняется тем, что границы империи в Британии были такими же беспокойными, как и на Дунае, и поэтому солдаты гарнизона Британии обладали хорошей боеспособностью и имели значительный военный опыт.

О пути следования Септимия Севера из восточной части империи в западную в нарративных источниках содержится мало сведений. Поэтому наметить его можно лишь предположительно. Получив в Месопотамии известие о падении Византия [5, 75, 14, 2], Север отправился к этому городу через Каппадокию, Галатию, Вифинию. Наказав защитников Византия и распорядившись о разрушении его укреплений [5, 75, 14, 3—4], он прошел через Фракию (Г. Михайлов считает, что здесь его путь пролегал через Перинф, Филиппополь и Наисс [17, с. 117]) и вступил в пределы Верхней Мезии. Здесь он узнал о высадке Клодия Альбина в Галлии и в Виминации провозгласил своего старшего сына Бассиана цезарем вместо Альбина [13, III, 10; 21, v. Sev., X]. После этого Север, видимо, ускорил темпы продвижения на запад. Вероятно, через Сирмию и Мурсу [8, с. 91] он дошел до Поэтовии [6, III, 3233], а потом направился в столицу. Отбывая в Рим, Септимий Север приказал своим полководцам продолжать поход к Галлии через Паннонию, Норик, Рецию и занять проходы в Альпах, чтобы Клодий Альбин не смог пройти в Италию [13, III, 6].

Во главе войск, сопровождавших Севера на пути в столицу, стоял Фабий Цилон [6, VI, 1408; 15, № 1141], который еще в 195 г. был назначен наместником Верхней Мезии, а потом присоединился к армии Септимия Севера, двигавшейся на запад через его провинцию [20, с. 99]. День приезда императора

в Рим в источниках не указывается. Известно только, что в столице он находился, имея титулы *imp. VIII, trib. pot. IV* [15, № 418]. Можно предположить, что в Рим Север прибыл в декабре 196 г., так как *trib. pot. IV* соответствует 196 г., а трибуны, по традиции, вступали в должность 10 декабря [16, с. 362]. Однако известно, что в середине декабря в отсутствие Септимия Севера в Риме в связи с началом заключительного этапа гражданской войны произошла демонстрация протеста населения столицы [5, 76, 4, 2--6]. Возникает вопрос: произошла эта демонстрация до визита императора в Рим или после? Те исследователи, которые датируют данную демонстрацию декабрем 195 г., естественно, считают, что она произошла до прибытия Севера в столицу империи [3, с. 186; 12, с. 80]. По мнению К. Фухса, во время этой демонстрации Септимий Север уже руководил военными действиями против Клодия Альбина в Галлии [9, с. 63]. Представляется, что Север прибыл в Рим вскоре после демонстрации, т. е. во второй половине декабря 196 г. Для успокоения населения столицы и в связи с благополучным возвращением императора с Востока были произведены денежные раздачи, организованы игры, выпущены специальные монеты [12, с. 94]. Тот факт, что Септимий Север в это время имел титул *trib. pot. IV*, а не V, тоже может быть объяснен. Как отмечает М. Хэммонд, ряд фактов указывает на то, что Северы стали вступать в должность трибуна 1 января, а не 10 декабря; хотя прямых свидетельств об этом не имеется [11, с. 73].

Успокоив жителей столицы и добившись от сената объявления Клодия Альбина врагом государства [21, v. Alb., IX], Септимий Север через Паннонию, Норик, Рецию и Верхнюю Германию [3, с. 193; 8, с. 91] прибыл в Галлию для борьбы со своим бывшим союзником.

Тем временем Клодий Альбин занял всю Лугдунскую Галлию, вынудив отступить ее наместника Флавия Секунда Филиппиана [6, XIII, 1673]. Административный центр этой провинции город Лугдун он сделал своей штаб-квартирой. Из Галлии Альбин разослал в соседние провинции гонцов с требованием денег и продовольствия для армии. Некоторые из жителей этих провинций выполнили его требования [13, III, 7]. После оккупации Галлии Альбин попытался занять и Германию. Однако это ему не удалось, хотя он и нанес поражение наместнику Нижней Германии Вирию Люпусу [5, 76, 6, 2]. А. Бирли, исходя из надписи в честь легиона XXII *primigenia* [15, № 419], считает, что в это время войсками Клодия Альбина была осаждена столица треверов в Бельгике [3, с. 190]. Однако текст данной надписи не позволяет утверждать, что осада города приходится именно на период борьбы между Севером и Альбином. Как отмечает Х. Дессау, возможно, что этот город был

подвергнут осаде германцами, вторгшимися в Бельгику уже после завершения гражданской войны [15, с. 100].

Вероятно, до начала 197 г. военные действия носили характер мелких стычек, как между войсками Клодия Альбина и гарнизоном Германии, так и между отдельными подразделениями войск Альбина и отрядами населения Галлии, выступившего на стороне Септимия Севера. Проходили они с переменным успехом [21, v. Sev., X—XI; v. Alb., IX].

К началу 197 г. легионы Севера сосредоточились на границах Галлии; с прибытием императора здесь начались активные военные действия. Армия Септимия Севера перешла в наступление и стала продвигаться все ближе к Лугдуну.

Некоторые исследователи считают, что в начале 197 г. произошли две крупные битвы, закончившиеся победой войск Септимия Севера, — при Тинурции и при Лугдуне. Хотя о первом сражении пишет только Спартиан [21, v. Sev., XI], по их мнению, о двух победах Севера в войне с Клодием Альбином говорит тот факт, что еще до начала второй парфянской войны он дважды был провозглашен императором (imp. IX и imp. X) [3, с. 194; 4, с. 13; 12, с. 98]. Однако более правильным представляется мнение М. Хефнера, который предполагает, что, говоря о битве при Тинурции, Спартиан имел в виду то сражение, которое по сведениям других древних авторов произошло при Лугдуне. Этим, видимо, объясняется и большое сходство в описании двух, казалось бы разных, битв. Различие же в названиях, как пишет М. Хефнер, возникло вследствие того, что битвы принято называть по названиям ближайших городов. Так как решающее сражение между войсками Септимия Севера и Клодия Альбина произошло между Лугдуном и лежащим в 16 милях к северу от него Тинурцием [4, с. 13], в котором размещалась штаб-квартира Севера, Спартиан называет эту битву по названию второго города, а другие древние авторы — по названию первого [14, с. 191—193]. Поэтому, вероятно, прав М. Платнавер, который считает, что imp. IX Север получил в связи с победой над Клодием Альбином, а imp. X — тоже в 197 г., но уже в связи с победами во второй парфянской войне [19, с. 32].

19 февраля 197 г. [21, v. Sev., XI] к северу от Лугдуна на равнине между Роданом и Соной [19, с. 108] произошло решающее сражение между войсками Севера и Альбина. Дион Кассий и Геродиан довольно подробно описывают, как развивались события в ходе этой битвы [5, 76, 6, 3—8; 13, III, 7]. По данным Диона Кассия, которые представляются преувеличенными, в сражении с каждой стороны участвовало 150 тыс. чел., и войска в бою возглавляли сами претенденты на императорскую власть, хотя до этого Септимий Север лично не принимал участия ни в одной битве на всем протяжении гражданской войны. А. Грэхэм считает, что это объясняется пониманием Септимия

Севера важности данной битвы для исхода гражданской войны в целом. Если поражение в какой-либо битве с войсками Песценция Нигра еще не означало для Севера поражения в гражданской войне, то в данном случае победа войск Альбина была бы равна его победе в войне. Победа же в этом сражении какого-либо полководца Септимия Севера была опасна тем, что полководец-победитель мог бы претендовать на императорскую власть [10, с. 272]. По данным Геродиана, чье описание этой битвы, думается, заслуживает меньше доверия, Клодий Альбин во время сражения находился не на поле боя, а в Лугдуне [13, III, 7].

Сражение носило упорный характер. Войны Альбина показали, что они ни в чем не уступают солдатам дунайской армии. На левом фланге солдаты Альбина не выдержали натиска и стали отступать. Войны Севера преследовали их и захватили лагерь противника. Но на правом фланге успех сопутствовал сторонникам Альбина. Заранее вырыв «волчьи ямы», они умышленным отступлением завлекли в них противника. В результате многие солдаты Севера были убиты, а остальные стали поспешно отступать. Увидев это, Септимий Север во главе преторианцев вступил в бой, но не достиг желаемых результатов. Часть преторианцев погибла, а сам Север упал с коня и, чтобы не быть узнанным неприятелем, был вынужден сбросить с себя плащ командующего. Он бросился за своими убежавшими войнами, чтобы остановить их, и это ему удалось. (Геродиан пишет, что и Септимий Север присоединился к бегущим, думая уже не о победе, а о спасении жизни). В этот критический момент во главе резерва из всадников в бой вступил полководец Севера Лет. Это внесло перелом в ход сражения, которое закончилось полной победой Септимия Севера.

Обе стороны понесли большие потери. Поле боя, как пишет Дион Кассий, было покрыто трупами людей и лошадей [5, 76, 7, 1—2]. Клодий Альбин, по данным этого автора, пытался спастись бегством, но был окружен и, видя, что нет никакой возможности избежать плена, покончил с собой [5, 76, 7, 3]. Геродиан сообщает, что Альбин был схвачен в Лугдуне и обезглавлен [13, III, 7]. Автор биографии Альбина пишет, что по одним сведениям, Клодий Альбин «покончил с собой сам, по словам других, — его поразил его собственный раб, ... многие, кроме того, говорят, что он был убит войнами, которые, убивая его, думали снискать этим милость Севера» [21, v. Alb., IX]. Голову Альбина Септимий Север приказал отправить в Рим и выставить на колу для всеобщего обозрения; его тело долго лежало перед палаткой победителя, а потом, растерзанное собаками, было брошено в реку; жена и дети Клодия Альбина были убиты [5, 76, 7, 3; 13, III, 8; 21, v. Sev., X—XI; v. Alb., IX].

Пытавшийся оказывать сопротивление Лугдун был взят штурмом и разрушен [13, III, 7]. Продолжавшиеся еще некото-

рое время после этого военные действия представляли собой карательные мероприятия против приверженцев Альбина в тех провинциях, где он получил поддержку.

Наказанием сторонников Альбина в Галлии занимался сам Септимий Север. Помогал ему в этом один из его полководцев Марий Максим [6, VI, 1450; 15, № 2935]. Сразу после победы при Лугдуне Север приказал найти письма Клодия Альбина, чтобы определить, кто состоял с ним в переписке [13, III, 8; 21, v. Alb., XII]. И, как сообщает автор жизнеописания Альбина, «он заставил сенат признать врагами всех тех, чьи письма он нашел; никого из них он не простил, но самих погубил, а имущество их конфисковал и велел сдать в государственную казну» [21, v. Alb., XII].

Наведение порядка в Испании было поручено Клавдию Кандиду, который был назначен наместником Ближней Испании. Видимо, здесь было немало сторонников Клодия Альбина, и Кандиду пришлось вести с ними борьбу «на суше и на море». После расправы над приверженцами Альбина в Испании Кандид был направлен для выполнения такой же задачи в Норик [6, II, 4114; 15, № 1140]. Валлию Максимиану была поручена подобная миссия в Бетике [6, II, 1120].

Закончив расследование и наказание сторонников Клодия Альбина в Галлии, Септимий Север отправился в Италию и в начале июня 197 г. прибыл в Рим [19, с. 111]. Простой народ столицы встретил императора со всеми почестями, а сенаторы со страхом ждали его дальнейших действий [5, 76, 7, 4; 13, III, 8].

С победой над Клодием Альбином Септимий Север окончательно утвердился на престоле империи, основав новую династию римских императоров.

Список литературы: 1. Колосовская Ю. К. К истории падения римского господства в Дакии. — ВДИ, 1955, № 3, с. 63—84. 2. Сергеев И. П. К вопросу о начале заключительного этапа гражданской войны 193—197 гг. в Риме. — Вестн. Харьк. ун-та, 1981, № 214. История СССР и зарубежных стран, с. 83—90. 3. Birley A. Septimius Severus the African emperor. London, 1971. 398 p. 4. The Cambridge Ancient History. In 12 vol., 1932—1939, 2nd ed., Cambridge, 1939, vol. 12. 849 p. 5. Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum quae supersunt/Ed. U. Ph. Boissvain. In 3 vol., 1884—1901, Berolini, 1901, vol. 3. 800 p. 6. Corpus inscriptionum latinarum/Consilio et auctoritate Acad. litterarum regiae Borussicae ed. In 16 vol., 1863—1936, Berolini, 1873, vol. 2. 1224 p.; 1873, vol. 3. 2996 p.; 1882, vol. 6. 2996 p.; 1881, vol. 8. 714 p.; 1907, vol. 13. 2054 p. 7. Dobo A. Die Verwaltung der römischen Provinz Pannonien von Augustus bis Diocletianus: Die provinzielle Verwaltung. Budapest, 1968. 201 S. 8. Fitz J. A military History of Pannonia from the Marcomann Wars to the Death of Alexander Severus (180—235). — Acta archeol. Akad. scientiarum Hung., 1962, t. 14, fasc. 1—2, p. 25—112. 9. Fuchs C. Geschichte des Kaisers L. Septimius Severus. Heidelberg, 1884. 124 S. 10. Graham A. J. Septimius Severus and his Generals. — In: War and Society. New York, 1973, p. 255—275. 11. Hammond M. The Antonine monarchy. Rome, 1959. 527 p. 12. Hasebroek I. Unter-

suchungen zur Geschichte des Kaisers Septimius Severus. Heidelberg, 1921. 201 S. 13. *Herodiani historiarum libri VIII*/Ad exemplar Henrici Stephani excusi. Halae, 1759. 245 p. 14. *Höfner M. J.* Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers L. Septimius Severus und seiner Dynastie. Giessen, 1875, Bb. 1. 328 S. 15. *Inscriptiones latinae selectae*/Ed. H. Dessau. In 4 vol., 1892—1914, Berolini, 1892, Vol. 1. 580 p. 16. *Madvig J. N.* Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Leipzig, 1881. 596 S. 17. *Michailow G.* Septimius Severus in Moesia Inferior and Thrace. — In: *Acta antiqua philippopolitana. Studia Hist. et Philol. Serdicae*, 1963, p. 113—126. 18. *Murphy G.* The Reign of the emperor L. Septimius Severus from the Evidence of the Inscriptions. Philadelphia, 1945. 113 p. 19. *Platnaver M.* The Life and reign of the emperor Lucius Septimius Severus. Oxford, 1918. 221 p. 20. *Reidinger W.* Die Statthalter der ungeteilten Pannonien und Oberpannonien von Augustus bis Diokletianus. Bonn, 1956. 261 S. 21. *Scriptores historiae Augustae*/Ed. E. Hohl. Lipsiae, 1955, vol. 1—2, 311 p.

Поступила в редколлегию 16.10.83.

А. В. ШМАЛЬКО

РИМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВИФИНИЕЙ-ПОНТОМ В I в. н. э.

В стратегическом и экономическом отношении Вифиния-Понт была одной из наиболее важных для Рима малоазийских провинций. Изучение римской административной политики в Вифинии-Понте позволяет полнее раскрыть принципы провинциальной политики Рима на Востоке и во всей империи. Особый интерес представляет вопрос о характере управления провинцией в годы принцепата. Ученые единодушно считают Вифинию-Понт сенатской провинцией, отмечая в то же время ее переход в начале II в. н. э. под управление императорских легатов, среди которых был Плиний Младший [2, с. 372; 3, с. 71; 14, р. 878]. Деятельность последнего, известная по переписке с Траяном, освещена достаточно полно [2; 4; 5; 18]. Значительно меньше уделено внимания управлению провинцией в I в. н. э., хотя именно в это время произошли серьезные изменения в римской политике, подготовившие переход провинции под императорский контроль. В имеющихся работах [3, 9, 14, 17], носящих в основном обзорный характер, не ставилась задача выявить особенности деятельности римской администрации, пути и степень вмешательства императоров в управление Вифинией-Понтом в I в. н. э. Считается, что контроль со стороны императоров носил случайный характер [4, с. 125—126]. Деятельность императорских представителей в Вифинии-Понте в I в. н. э. остается недостаточно исследованной. Не прослежен рост их влияния. Мало изучены воздействие императорской власти непосредственно на сенатскую администрацию, формы контроля над ней. Эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

Хронологически статья охватывает период от начала I в. н. э., когда политика империи на Востоке окончательно определилась, до конца правления династии Флавиев в 96 г. н. э.

Цель настоящей работы состоит в изучении характера управления Вифинией-Понтом в I в. н. э., деятельности сенатской администрации и представителей императора, форм, методов и последствий вмешательства императорской власти в управление провинцией.

После разделения в 27 г. до н. э. провинций на сенатские и императорские Вифиния-Понт отошла к сенату [12, LIII, 19]. В ней сохранилась видимость старых республиканских форм управления, в основе которого лежал изданный в 60 г. до н. э. закон Помпея [20, X, 79]. Полностью он не сохранился, известны лишь некоторые его положения, относящиеся к городскому самоуправлению и местному гражданству [20, X, 79—80; 112—115]. Однако закон Помпея уже в I в. н. э. был изменен по воле Августа, а к концу века ни одно из известных положений этого закона не соблюдаясь [20, X, 79—80, 112—116]. Фактически управление основывалось не на старом законе, а на распоряжениях императоров и наместников Вифинии-Понта.

Вифиния-Понт считалась сенатской провинцией [22, XVII, 3, 26], ею от имени сената управлял наместник в ранге пропретора, именовавшийся обычно проконсулом [12, LIII, 19]. Наместник назначался сроком на один год [6, Mithr., 121], его полномочия истекали, вероятно, в июне [20, I, 7]. Известны имена 21 проконсула, правивших в I в. н. э. [18, p. 1591; 9, p. 28]. Как и в республиканский период, имена проконсулов, полномочных представителей римской власти в провинции, чеканились на монетах городов Вифинии-Понта [7, p. 162, 179, 235; 19, p. 334, 389, 419].

Административный аппарат наместников оставался сходным с аппаратом управления периода республики. Вместе с наместником в провинцию приезжали его друзья и знакомые, помогавшие ему в управлении, а также его рабы и отпущенники [20, VI, 22]. Помощником проконсула был квестор [25, I, 74; 20, IV, 9], обычно назначаемый из числа римлян, начинавших карьеру [16, p. 59]. Среди служащих проконсула были писцы, ликторы, курьеры [15, p. 74].

Хотя внешне управление провинцией оставалось сходным с управлением периода республики, с первых же лет существования империи началось ограничение полномочий проконсулов и усиление контроля над их деятельностью со стороны императоров, стремившихся уменьшить злоупотребления сенатской администрации. Безжалостное ограбление провинций сенаторами противоречило планам принцепсов, заинтересованных в постоянном поступлении податей [23, Тів., 32]. Проконсулы часто использовали Вифинию-Понт для личного обогащения [25, I, 74, XII, 22]. Это облегчалось тем, что порой магистраты в провинцию назначались по ходатайствам и рекомендательным письмам их влиятельных друзей [20, Paneg., 71]. Наместники вымогали у жителей провинции «подарки», подвергали их грабежам, не-

обоснованным репрессиям, ссылкам и даже казням [13, XLIII, 11].

С целью уменьшения незаконных поборов для наместников было введено постоянное жалование [24, 42]. В провинциях запрещалось устраивать гладиаторские игры, травлю диких зверей и другие зрелища [25, XIII, 31]. В сенате ставился вопрос о том, чтобы запретить наместникам брать в провинцию жен, часто виновных не менее самих наместников в грабежах и вымогательствах [25, III, 33—34]. Важной мерой для пресечения злоупотреблений стало разрешение провинциалам жаловаться на наместников в сенат и лично императору. По закону Кальпурния о вымогательствах в I в. н. э. были осуждены проконсулы Вифинии-Понта Граний Марцелл, Кадий Руф и Тарквитий Приск [25, I, 74, XIV, 22, 46]. Привлекались к суду и представители административного аппарата проконсулов [20, IV, 9]. Иногда обвинение выдвигал римский магистрат [25, I, 74], но обычно для этого в Рим направлялись представители вифинского союза городов [20, VII, 7, IV, 9]. Суд происходил либо в сенате, либо в комиссии пяти рекуператоров [25, I, 74].

Новый шаг в борьбе со злоупотреблениями наместников сделал император Клавдий, запретивший бывшим магистратам по возвращении в Рим немедленно занимать новую должность; это давало возможность привлечь виновного к суду [14, р. 877]. Провинциальным собраниям запрещалось выносить магистратам благодарности и посылать в Рим посольства с подобными предложениями, что уменьшало опасность подкупа наместников [25, XV, 20—22]. Наместникам запрещалось брать у провинциалов подарки. Нарушение этого закона сурово наказывалось [20, IV, 9].

Принятые меры в значительной мере способствовали обузданию своеволия наместников Вифинии-Понта. В период правления династии Флавиев число жалоб на магистратов провинции сократилось. За эти годы ни один наместник не был привлечен к суду. Однако свидетельство Диода Хризостома позволяет сделать вывод о том, что даже в правление Домициана, строго следившего за провинциальными наместниками [23, Dom., 8], злоупотребления проконсулов Вифинии-Понта продолжались [13, XLIII, II].

При Флавиях возросло внимание императоров к назначению наместников. Стремясь направить в провинцию наиболее опытных и верных им людей, императоры стали лично подбирать кандидатуры проконсулов [9, р. 28; 16, р. 59]. В связи с реформой сената при Веспасиане, открывшей туда доступ верхушке провинциальной знати, у императоров появилась возможность на должностях проконсулов посылать местных уроженцев, хорошо знавших обстановку в этом районе. В 78—79 гг. Вифинией-Понтом правил малоазийский уроженец Планций Вар, а в 95—

96 гг. — также выходец из Малой Азии Юлий Цельс Полемоний [18, р. 1591].

Усиление контроля над сенатской администрацией в I в. н. э. сопровождалось постоянным вмешательством императоров в дела Вифинии-Понта. Полномочия принцепса давали ему право заниматься делами не только императорских, но и сенатских провинций [2, с. 372]. Во время поездок по империи Август широко пользовался этим правом [23, Aug., 47], разбирая в числе прочих вопросы Вифинии-Понта, в частности вопрос о пополнении городских сенатов [20, X, 79]. В малоазийских провинциях действовали личные представители императора, имевшие чрезвычайные полномочия на Востоке — Агриппа при Августе [12, LIV, 24] и Германик при Тиберии [25, II, 54]. В I в. н. э. в провинции появились также особые уполномоченные императоров — прокураторы.

Первоначально в Вифинию посылались прокураторы, выполнявшие отдельные поручения принцепсов и прежде всего заведовавшие императорским имуществом [11, № 1396; 20, X, 58]. Обычно это были отпущенники, занимавшиеся не только хозяйственными делами, но и поручениями секретного характера [25, XIII, I]. В провинцию посылались также прокураторы по заготовке провианта для армии [20, X, 27—28]. В связи с переходом сбора налогов к императорским представителям, в Вифинию-Понт направлялись также уполномоченные по сбору налогов, в том числе налога на наследство и на освобождение рабов [11, № 1359, 1396]. Это были императорские отпущенники, обычно собиравшие налоги не только в данной провинции, но и в нескольких соседних [8, III, № 6753].

В середине I в. н. э. в Вифинии-Понте появляются императорские прокураторы со значительно более широкими полномочиями. Первым из них был прокуратор императора Клавдия Юний Цилон, принявший, очевидно, во главе войск из Южного Причерноморья участие в войне с Митридатом II Боспорским [1, с. 60] и доставивший пленного царя в Рим [25, XII, 21]. Годы деятельности Цилона в должности прокуратора обычно определяются с 53 по 55 [14, р. 878]. Однако, он сменил на посту проконсула Кадия Руфа (47—48 гг.), а преемником Цилона был Пасидиен Фирм (53—54 гг.). Деятельность Цилона протекала, вероятно, с 48 по 53 гг. н. э. В 57—58 гг. в Вифинию-Понт был направлен прокуратор Кай Юлий Аквила, а в 78 г. — прокуратор Антоний Назон [8, III, № 346, 6993].

Статус и полномочия этих прокураторов оцениваются по-разному. М. И. Ростовцев считает, что представители императора временно заменяли выбывших или умерших проконсулов, а также командовали войсками и осуществляли дорожное строительство, не имея, однако, верховной власти в провинции, по-прежнему принадлежавшей сенату [4, с. 125—126]. Другие авторы полагают, что посылка прокураторов в Вифинию-Понт означа-

ла переход этой провинции под прямой императорский контроль [2, с. 372; 14, р. 878—879], что подтверждается имеющимися фактами.

Прокураторы правили Вифинией-Понтом самостоятельно. Во время действия их полномочий сенатских наместников в провинции не было [14, р. 878]. Имена прокураторов, так же, как имена проконсулов, чеканились на монетах [19, р. 400]. Это свидетельствует о том, что прокураторы обладали всей полной властью в провинции. Население воспринимало их как представителей верховной власти [8, III, № 6083, 6993]. Думается, что направление в Вифинию-Понт прокураторов означало временный переход этой провинции из ведения сената под императорский контроль, что было обычным явлением в I в. н. э. В пользу такого вывода говорит свидетельство Страбона, писавшего, что разделение провинций на сенатские и императорские часто менялось из соображений пользы [22, XVII, 3, 25].

Причину перехода Вифинии-Понта под контроль императоров некоторые авторы видят прежде всего в стратегической важности провинции [4, с. 125]. В связи с обострением обстановки в Причерноморье и войной с Митридатом II Боспорским было необходимо мобилизовать материальные и людские ресурсы провинции для помощи римской армии. Очевидно, именно в этот период в Вифинии-Понте появились римские войска, командование над которыми должно было принадлежать императорскому представителю. Этим было вызвано направление в провинцию Юния Цилона, получившего в дальнейшем консульские отличия за свою деятельность [25, XII, 21]. Однако, кроме этого обстоятельства, переход провинции под императорский контроль должен был иметь и другие причины. Если миссия Цилона и возможно Аквилы могла быть связана с военными действиями в Причерноморье и Малой Азии, то Назон был прислан в провинцию в мирное время.

Одной из причин перехода провинции под императорский контроль могла быть недостаточная компетентность сенатской администрации. Проконсулы обычно плохо знали местные условия. Среди наместников первой половины I в. н. э. нет ни одного уроженца восточных провинций, только один служил в Вифинии до получения должности проконсула [18, р. 1591]. Сравнительно короткий срок полномочий — один год — не позволял полностью освоиться с делами управления, что неизбежно вело к просчетам и ошибкам. Сменявшиеся ежегодно проконсулы не могли обеспечить даже выполнение вынесенных их предшествующими судебных решений, что поразило Плиния Младшего [20, X, 31, 56, 58]. Прокураторы же были опытными администраторами, нередко хорошо знакомыми с местными условиями. Многолетний срок полномочий позволял им приобрести опыт управления провинцией и обеспечить преемственность власти.

Сфера деятельности прокураторов была значительно шире, чем у проконсулов. На них возлагалось командование войсками. Эта обязанность была у Юния Цилона и, очевидно, у Юлия Аквилы, назначенного прокуратором во время войны с Парфией. Прокураторы должны были обеспечить римскую армию надежным тылом, наладить ее снабжение и пополнение [25, XIII, 7, XII, 63], а в случае необходимости оказывать военную помощь.

Важной внешнеполитической задачей прокураторов было осуществление связей между правителями Боспора и Рима, встреча посольств и выдача ежегодной субсидии царям этого зависимого от империи государства [4, с. 124]. Значение провинции в осуществлении римско-боспорских политических связей также должно было привлекать особое внимание императоров к Вифинии-Понту.

Прокураторы занимались и дорожным строительством, вызванным прежде всего военными потребностями [9, р. 14]. Юлием Аквилей была построена дорога из Апамен в Никею [8, III, № 346], а также из Амастрии к центральным районам провинции [11, № 5883]. Антоний Назон руководил строительством дороги от Прусы к Пропонтиде [8, III, № 6993]. И в дальнейшем всякое дорожное строительство осуществлялось не сенатскими, а императорскими представителями [8, III, № 7191, 14188].

Важной функцией прокураторов была судебная, полученная ими по решению императора Клавдия в 53 г. [25, XII, 60], что значительно усиливало императорскую власть в провинциях, сужая полномочия проконсулов. Вмешательство императоров в дела судопроизводства было, вероятно, вызвано стремлением ослабить политические и социальные антагонизмы в провинциях, в значительной мере обусловленные частыми злоупотреблениями проконсулов.

Источники не позволяют сделать вывод о том, что прокураторы в I в. н. э., подобно легатам II в. н. э., имели задачу контролировать финансы городов. Вероятно, состояние экономики в середине I в. н. э. не требовало этого. Однако наличие имен прокураторов на монетах говорит о том, что представители императора осуществляли контроль и над чеканкой монеты, что позволяло им вмешиваться в финансовые дела отдельных городов.

В правление династии Флавиев в провинцию наряду с прокураторами стали направляться императорские легаты. Известны имена пяти из них: Г. Антия Квадрата, М. Кальпурния Руфа, К. Каринтия Фронтоня, К. Авидия Цеония Коммода и А. Ларция Лепида Сульпиция [9, р. 28—36]. Время их деятельности приходится на 80-е — начало 90-х годов I в. н. э. В этот период сенатские наместники, очевидно, посылались в Вифинию-Понт раз в несколько лет, а в остальное время провинция находилась

под императорским контролем. Усиление вмешательства императоров было вызвано также рядом обстоятельств внешней и внутренней политики.

В эти годы шло интенсивное укрепление восточной границы, строительство малоазийского лимеса и крепостей на Кавказе [9, р. 25], что должно было подготовить дальнейшую экспансию Рима в этом районе. В Вифинии-Понте происходило широкое дорожное строительство, необходимое для улучшения снабжения и пополнения римской армии на востоке Малой Азии, а также для ее связи с центральными районами империи [10, р. 22; 21, р. 198].

Для ликвидации последствий гражданской войны 69 г. н. э. была необходима мобилизация всех ресурсов империи. Централизации власти требовала напряженная обстановка в восточных провинциях [5, с. 12; 21, р. 202]. Эти обстоятельства также способствовали установлению императорского контроля над рядом восточных провинций, в том числе над Вифинией-Понтом в 80-е годы I в. н. э. Его особенностью было сочетание прямого контроля (направление прокураторов и легатов) с косвенным, выражавшимся в подборе кандидатур проконсулов и строгом контроле их деятельности.

Таким образом, в I в. н. э. Вифиния-Понт долгое время продолжала формально находиться в ведении сената и сохранять прежнюю систему управления. Однако императоры постепенно все более ограничивали власть проконсулов, усиливая контроль над ними и передавая часть их полномочий своим представителям. При внешнем сохранении сенатской формы правления ее содержание претерпело серьезные изменения под влиянием императорской власти. С середины I в. н. э. начался постепенный переход провинции под императорский контроль, выразившийся в назначении прокураторов, а затем и легатов со значительно более широкими полномочиями, чем проконсулы. Этот переход завершился в конце I в. н. э. Прокураторы и легаты этого времени заложили основу деятельности императорской администрации во II—III вв. Общая тенденция в развитии управления Вифинией-Понтом в I в. н. э. состояла в постоянном усилении императорской власти, что было характерно и для других провинций Римской империи.

Список литературы: 1. *Кадеев В. И.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. — III в. н. э. — ВДИ, 1979, № 2, с. 55—76. 2. *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М.; Л., 1956. 472 с. 3. *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.; Л., 1949. 251 с. 4. *Ростовцев М. И.* Вифиния-Понт и Боспор. — Русский исторический журнал, 1917, № 1—2, с. 111—130. 5. *Смирнова И. К.* Политика Траяна в провинции Вифиния-Понт (к оценке особенностей провинциальной политики в эпоху принципата). — Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1978. 19 с. 6. *Appianus.* Historia Romana. Lipsia, 1962. v. 1. 545 p. 7. *Cohen H.* Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romaine. En 8 T. Paris, 1880—1892. T. 1. 540 p. 8. *Corpus inscriptionum latinarum.* In 16 v. Berolini, 1863—1937. v. 3. 940 p. 9. *Dab-*

- rowa Ed. *L'Asie-Minor sous les Flaviens: Recherches sur la politique provinciale*. Wrocław, 1980, 100 p. 10. *Dabrowa Ed.* Roswoj rzymskiej sieci drogowej w Asji Mniejszej w dobie wczesnego cesarstwa. — In: *Provincie rzymskie i ich znaczenie w ramach imperium*. Wrocław, Warszawa, 1976, S. 9—28. 11. *Dessau H.* *Inscriptiones latinae selectae*. In 4 v. Berolini, 1892—1914. 12. *Dio Cassius Cocceianus.* Roman history. In 9 v. London, 1914—1927. 13. *Dio Crystostomus* with an engl. transl. In 4 v. London, 1932—1940. 14. *Harris B. F.* Bithynia: Roman sovereignty and the surval of Hellenism. — *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*/Hrsg. von Temporini H. und Haase W. Bd. 7, h. 2. Bonne, New York, 1980, p. 857—901. 15. *Jones A. H. M.* The Roman civil servis (clerical and sub-clerical grades). — *Journal of Roman studies*, 1949, v. 39, p. 38—55. 16. *Jones A. H. M.* The Greek city from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. 348 p. 17. *Jones A. H. M.* The cities of the Eastern Roman provinces. Oxford, 1937. 576 p. 18. *Magie D.* Roman rule in Asia Minor. Princeton, 1950. 1620 p. 19. *Mionnet T. E.* Description de medailles antiques, graeques et romanes. En 6 T. Paris, 1807—1819. T. 2. 352 p. 20. *Plinii Caecilli Secundi.* *Epistolarum. Panegiricus.* Lipsiae, 1958. 286 p. 21. *Stark F.* Rome on the Euphrates. The story of a frontier. London, 1966. 481 p. 22. *Strabon.* *Geographie.* En 5 T. Paris, 1805—1819. 23. *Suetonii Tranquillii.* *De vita Caesarum.* Lipsiae, 1907. 244 p. 24. *Tacitus.* *Agricoia.* Lipsiae, 1867. 94 p. 25. *Tacitus.* *Annalen.* In 2 v. Lipsiae, 1907—1908.

Поступила в редакцию 16.10.83.

С. В. ДЬЯЧКОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОЛЬВИИ I—III вв. н. э. (по ономастическим данным)

История Ольвии теснейшим образом связана с историей Юга нашей Родины, историей Средиземноморья и всего древнего мира. В I—III вв. н. э. развитие этого государства Северного Причерноморья во многом определялось его взаимоотношениями с Римской империей. Серьезные изменения претерпевали политический статус и государственные институты Ольвии, менялся состав населения. Между тем данный период истории Ольвии, несмотря на его значимость, изучен недостаточно.

Ценным источником информации, пока мало используемым при исследовании социально-политической истории Ольвии I—III вв. н. э., выступают данные просопографии. Изучению отдельных сторон ольвийского ономастикона посвящены некоторые статьи [5; 11], однако ономастический материал используется в них далеко не в полной мере.

Целью настоящей статьи является определение на основе данных ономастики ряда существенных изменений в социально-политической жизни Ольвии, социальной структуре и составе населения. Особое внимание уделяется последовательности закрепления римского владычества в этом государстве.

Влияние Рима на Ольвию обнаруживается в надписях со времен Тиберия [16, № 39, 42—44, 54]. Особую роль в усилении этого влияния сыграл поход легата Мезии Т. Плавция Сильвана [3, с. 20—21]. В состав римской провинции Нижняя Мезия Ольвия была включена лишь в самом конце II в. н. э. Однако

римский гарнизон, обеспечивавший охрану Ольвии от набегов скифов и фактическую зависимость города от империи, появился лет на пятьдесят раньше, возможно, уже при Антонине Пие [10, с. 17].

Постепенное распространение влияния Рима на Ольвию нашло отражение в местной ономастике. Римские имена появляются в надписях города со второй половины I в. н. э. [16, № 83, 105, 106]. Известно свыше 40 римских имен, принадлежавших жителям Ольвии I—III вв. (В расчет не принимаются имена воинов римского гарнизона и членов их семей). Одним из первых таких имен, зафиксированных в письменных памятниках, является имя боспорца Марка Ульпия Парфенокла, он же Мастус [16, № 203]. К этому времени относятся две боспорские надписи; в одной упоминается Парфенокл — активный участник сражения со скифами [7, № 32], в другой — Ульпий Парфенокл, наместник царской резиденции [7, № 628]. Можно предположить, что все три имени принадлежали одному человеку. После победы над скифами Парфеноклу, видимо, были дарованы права римского гражданства, на что указывает gentilное имя Траяна. Несомненно, что характер номинации этого человека определялся спецификой памятника. В значительно варваризованной Ольвии послегетского периода Парфенокл предпочел подчеркнуть свое настоящее иранское имя Мастус [16, № 203] и показать условный характер основного теофорного имени Парфенокл. По всей видимости, Марк Ульпий Парфенокл, он же Мастус, оказался в Ольвии не случайно; думается, определенная опека вассального Боспора над Ольвией в этот период все-таки имела место.

Своих целей Рим добивался в Ольвии путем формирования проримской группировки в ольвийском обществе. Это достигалось дарованием представителям верхушки города прав и привилегий римского гражданства — прием, широко применявшийся в провинциях Малой Азии [17, р. 6—10] и в Северном Причерноморье [3, с. 23]. В первой половине II в. н. э. надписи Ольвии упоминают римского гражданина Марка Ульпия Пирра, сына Архихоха, который был архонтом-эпонимом и главой коллегии стратегов [16, № 93, 129]. Л. Згуста относит имя его отца к скифо-иранским корням, что указывает на местное происхождение этого человека [18, § 61, S. 72]. Появление римских граждан среди верхушки ольвиополитов совпадает с возрастанием активности Рима на восточных и северо-восточных границах империи.

Не претерпевает изменений римская политика в отношении Ольвии и в период правления Адриана. Видимо, римская администрация серьезно была заинтересована в проримской ориентации греческого города, находящегося на окраине античной ойкумены. В надписях упоминаются стратеги Публий Элий Аргамен [16, № 96] и Публий Элий Ахилл [16, № 138], кото-

рые, судя по их именам, были коренными ольвиополитами. Варварское имя Аргамен и греческое Ахилл были распространены среди ольвийской знати. К этому времени относится посвященная надпись Аполлону Простату, в которой упоминается стратег Элий, сын Навтима [16, № 89]. Греческая структура имени и патронимикон свидетельствуют о том, что он не был римским гражданином. Необычное личное имя ольвийского стратега можно объяснить политическими соображениями этого человека, использовавшего императорское гентильное имя, видимо, в корыстных целях.

Элий Квинтилий, похоронивший в ольвийской земле сына Леона [16, № 225], определяется как римлянин [11, с. 135]. Но думается, что небогатое надгробие, греческий язык эпитафии, редкое имя сына, больше похожее на прозвище, не позволяют сделать такой вывод. Возможно, что Квинтилий был выходцем из восточных провинций империи или ветераном римской армии. Перегрины при вступлении в римскую армию получали римские имена, среди которых были широко распространены производные от порядковых числительных [13, p. 183]. Для Элия Квинтилия римское имя стало основным, но греческий язык остался родным. Судя по имени, он был римским гражданином, но отнюдь не римлянином.

Не были, видимо, коренными ольвиополитами Гай Атилий Мин и его жена Феодора [16, № 193]. На это указывают их имена, редкие для Ольвии и распространенные среди отпущенников.

Таким образом, во второй четверти II в. н. э. римские имена появились не только среди римских граждан — коренных жителей Ольвии, но и среди выходцев из других районов империи, оказавшихся в городе.

Источники дают основание говорить, что в середине II в. н. э., одновременно с появлением римского гарнизона, процесс появления новых римских граждан среди жителей Ольвии несколько приостановился. Римские граждане вновь упоминаются в надписях лишь в конце II в. н. э. В состав их имен входили имена римских императоров. Имя Аврелий зафиксировано в надписях Ольвии шесть раз [16, № 55, 170, 184, 185; 14, № 52, 80]. В частности, упомянут Марк Аврелий Микион, он же Муропсаз [8, № 80], член коллегии стратегов. Издатель надписи не прокомментировал сложное имя стратега, ограничившись общим замечанием о сложности этнических процессов в Ольвии этого периода [4, с. 150]. В данном случае употребление Аврелием Микионом агномен подчеркивает искусственный характер его составного имени, в котором «Муропсаз» свидетельствует в пользу варварского происхождения ольвийского стратега. По наблюдениям исследователей формулировку «имярек, он же имярек», употребляли простолюдины и отпущенники [3, с. 58—59; 15, p. 24]. Заметим, что в надписи коллегии стра-

тегов только один римский гражданин — М. Аврелий Микион, он же Муропсаз, названный последним в списке стратегов [8, № 80]. Архонт Аврелий Юлиан, сын Юлиана в надписи III в. н. э. [8, № 52] предпоследний по списку; последним упомянут Эвплус, сын Эвплуса. Имя архонта образовано явно искусственно. Когномен и патронимикон образованы при помощи суффикса -ianus от родового имени Юлий. Такие имена указывают на усыновление или принадлежность, если это имя раба или вольноотпущенника [3, с. 53]. Повторение личным именем отчества подчеркивает его отпущеннический статус. К тому же следует учитывать, что имя Юлиан получило широкое распространение в малоазийских провинциях империи [11, с. 143]. По всей видимости, ольвийский архонт был потомком римского отпущенника и сам получил права римского гражданства по эдикту Каракаллы. Скорее всего, он не был уроженцем Ольвии.

Изучение ономастического материала приводит к выводу, что родовое имя Аврелий в Ольвии носили в основном лица не местного происхождения, так как ни в одном случае нельзя с полной уверенностью сказать, что это родовое имя принадлежало коренному ольвиополиту.

В условиях усилившегося давления племен Северного Причерноморья на позиции римлян в этом районе Рим пытается наряду с дарованием прав римского гражданства местной верхушке внедрить в высший военно-административный аппарат государств Северного Причерноморья «своих людей». Чаще всего ими оказывались выходцы из Малой Азии и Фракии, отпущенники римских граждан и их потомки. Это стало возможным благодаря процессу нивелировки государственных институтов, падению роли прежних демократических учреждений [3, с. 84]. В Ольвии набирали силу коллегия архонтов во главе с первым архонтом и коллегия стратегов.

Эдикт Каракаллы 212 г. н. э. завершил нивелировку общественной жизни в провинциях Римской империи. Римское гражданство, дававшее ранее политические и экономические преимущества, утратило свое значение [9, с. 72]. Отныне римское гражданство не выражало никакой национальности [1, с. 146]. Родовое имя Аврелий стало одним из самых распространенных в Восточном Средиземноморье, оно могло принадлежать и представителю римской администрации, и римскому отпущеннику.

В надписях Ольвии римские имена часто оформлялись в традициях греческой номинации (личное имя и имя отца в генетиве) [16, № 83, 85, 99, 147, 174]. С этой точки зрения представляет интерес имя председателя коллегии стратегов Антония, сына Клавдия [16, № 147]. Судя по структуре надписи, оно принадлежало греку. Его личное имя являлось родовым именем известного римского плебейского рода, а патронимикон принадлежал императорскому роду. Такое образование имени можно объяснить «творчеством» отпущенника. Представляется не-

оправданным определением Антония, сына Клавдия, как римлянина [11, с. 135].

Если на Боспоре лица с римскими именами в греческой структуре составляли часть населения из низших слоев общества, то в Ольвии — это архонты, стратеги конца I—II вв. н. э. Обращает на себя внимание провинциальный характер некоторых имен: Герман [16, № 105], Маркиан [16, № 57, 263], Сабин [16, № 116], Руфин [16, № 134]. Последнее имя было распространено среди рабов-фракийцев [14, р. 100, 106]. Впрочем, и другие упомянутые имена могли принадлежать рабам.

В посвящении конца II в. н. э. указано семь должностных лиц города, четверо из которых носили римские имена: Маркиан, сын Домниона, Конкордий, сын Атта, Косконий, сын Гентиана, Руфин, сын Филадельфа; составные части последнего имени указывают на рабское положение его носителя. Надпись датируется временем присоединения Ольвии к Нижней Мезии и посвящается императорам Александру Северу и Марку Аврелию [16, № 174]. Видимо, такой состав коллегии архонтов обеспечивал необходимую Риму внешнюю и внутреннюю политику города. Примечательно, что в надписи говорится о строительстве терм — чisto римском атрибуте городской жизни; в то же время строительство осуществляли никомедиец и томит.

Таким образом, судя по имеющимся источникам, в сферу управления Ольвией проникали лица не местного происхождения, выходцы из Фракии, Нижней Мезии, Малой Азии. Этот процесс шел довольно интенсивно после присоединения города к провинции Нижняя Мезия. Однако следует подчеркнуть, что римские имена не нашли распространения среди низших слоев свободного населения Ольвии.

Значительные изменения происходили с греческими именами жителей Ольвии. Наряду с характерными греческими именами с традиционной структурой, которые составляли подавляющее большинство имен ольвиополитов в догетский период [6, с. 127], появилось большое количество имен, нарушавших эллинскую структуру имени.

В греческих государствах имел распространение обычай давать ребенку имя деда. Он строго соблюдался и в Ольвии VI—I вв. до н. э. В догетский период истории города случаи, когда личное имя повторяло патронимикон, были единичны [8, № 5]. Сохранился этот обычай и в римское время. Но в надписях I—III вв. н. э. встречаются лица, имена которых повторяли патронимикон. Интерес к подобным именам не случаен. Работы исследователей показывают, что обычно такие имена принадлежали лицам несвободнорожденным — отпущенникам или их потомкам [3, с. 55—60; 14, р. 104]. Известны 18 ольвийских имен, повторяющих патронимикон в генетиве. Большая часть из них встречается в надписях II в. н. э. Интересно, что в Херсонесе Таврическом лица с аналогичной структурой имени

упоминаются в основном тоже в памятниках II в. н. э. [3, с. 99]. В Ольвии среди имен такой структуры 12 греческих [16, № 42, 94, 104, 134], пять варварских [16, № 91, 92, 104, 105, 130]. Повторяет патронимикон и римское имя стратега Луция, сына Луция [16, № 89].

Значительный интерес представляет имя Никерата, сына Никерата, повторяющееся в надписях Ольвии дважды и принадлежащее, видимо, одному лицу. В бытность свою первым архонтом Никерат, сын Никерата, в посвящении Ахиллу Понтарху не называет своего третьего туземного имени Омпсалак [16, № 134]. В надгробной же надписи [16, № 227] присутствует третье имя, которое указывает на варварское происхождение бывшего архонта и на искусственный характер его основного имени [3, с. 58—59].

Большинство имен этого типа принадлежит официальным лицам, представителям верхушки ольвийского общества: архонтам, стратегам, жрецам. Необычный для Ольвии характер имен Дельф, Эрот, Феофил, Луций свидетельствует о том, что эти люди оказались в городе с включением Ольвии в зону римского влияния.

В Ольвии были известны и имена без патронимиконов. Высказывалась мысль, что обозначение того или иного лица только личным именем было вполне обычным у греков [6, с. 124]. Думается, такой вывод для I—III вв. н. э. неприемлем. Имена без отчеств в это время, видимо, принадлежали представителям определенных слоев населения.

В посвящении Дионису и Семеле в конце II в. н. э. указаны четыре имени [8, № 170]. Одно из них — Деметрий, сын Александра — имеет обычную структуру, теофорное личное имя и стоит первым в списке. Следует заметить, что громкий патронимикон Деметрия в эллинистический период был одним из самых популярных рабских имен [14, р. 98]. Далее следуют Антоний, Анетер, Айнис. Антоний — родовое имя знаменитого римского рода; Анетер и Айнис весьма редкие имена, неизвестные по другим надписям Северного Причерноморья. О существовании в Ольвии культа Семелы говорит только данная надпись.

Этот культ был популярен в среде простолюдинов [12, с. 166]. Состав имен, упомянутых в посвящении, не случаен, речь идет, видимо, о каком-то фиае вольноотпущенников. Редкий, демократический культ, известняковая плита низкого качества, на которой вырезано посвящение, как представляется, свидетельствуют в пользу такого предположения.

В другом посвящении приведено имя без патронимикона, которое в надписях Ольвии больше не встречается. Это Диомид, домоуправитель Оронта, сына Абаба [16, № 182]. И должность Диомида, и отсутствие отчества, при полном имени хозяина, подчеркивает его рабское происхождение. Посвящаемая им

экседра могла быть выражением благодарности раба или отпущенника «доброму господину». Интересно, что на Боспоре известно имя вскормленника Диомида [7, № 598]. Очевидно, это имя было популярным среди отпущенников и рабов.

Однако отсутствие патронимикона не всегда указывает на социальный статус того или иного лица. В посвящении конца II — начала III в. н. э. упоминаются пять ольвийских архонтов [16, № 133]. Их имена указаны без отчества (Κηνεξάρθης, Αἰαμῆος, Σπακος, Δίξης, Δαδος). Все имена имеют либо иранские (Σπακος, либо фракийские корни (Δίξης). Интересно, что архонты-варвары, не принявшие эллинскую структуру имени, оказались во главе города в период включения Ольвии в состав провинции Нижняя Мезия и наибольшего римского влияния на город.

В I—III вв. н. э. ономастикон города пополняется именами весьма прозрачного происхождения. Наиболее характерно в этом отношении имя Эрот [16, № 85, 99, 132, 138, 176], одно из самых распространенных среди рабов и вольноотпущенников римского времени [14, р. 101]. Высокое положение в ольвийском обществе лиц, носящих имя Эрот, заставляет отказаться от мнения об их рабском статусе. Но тем не менее они вполне могли оказаться потомками бывших рабов — вольноотпущенников. На это указывает преимущественное употребление имени Эрот в качестве патронимикона.

Анализ данных ольвийского ономастикона позволяет осветить изменения в социально-политической жизни города, проследить в некоторой степени процесс закрепления римского влияния. В конце I — начале II вв. н. э. Рим практикует дарование прав и привилегий римского гражданства жителям Ольвии. Обычно оно предоставлялось верхушке греко-скифской знати. Во II в. н. э. в среде господствующего класса Ольвии появляются лица, носившие римские имена, не имея римского гражданства. Видимо, этим они стремились выразить свою лояльность к Риму. В городе у власти закрепилась проримская группировка. Однако среди коренных ольвиополитов низших слоев римские имена заметного распространения не получили. В конце II в. н. э. после оккупации города римляне, судя по данным просопографии, поддерживали свой контроль над Ольвией с помощью римских граждан — выходцев из римских провинций. Последние, благодаря снижению роли демократических институтов в Ольвии, занимают важные городские магистратуры, проникают в Совет, оказывая существенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику государства. Среди новых граждан было много римских и греческих вольноотпущенников. Об этом свидетельствует появление большого числа новых для Ольвии греческих имен, повторяющих патронимикон или вообще без него. Вместе с местной аристократией отпущенники становились опорой римских властей. Вовлечение Ольвии в сфе-

ру римского влияния приводит к значительному усложнению социальной структуры города, в котором появляются выходцы из римских провинций самого различного статуса и этноса. В I—III вв. н. э. наряду с римскими ставленниками в политической жизни Ольвии значительно увеличивается влияние варварских элементов.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21. 2. Кадеев В. И. Вольноотпущенники и их потомки в античных государствах Северного Причерноморья. — В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979, т. 1, с. 359—365. 3. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. 143 с. 4. Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. — ВДИ, 1962, № 3, с. 141—154. 5. Книпович Т. Н. К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I—III вв. н. э. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 189—197. 6. Книпович Т. Н. Население Ольвии в IV—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. — МИА СССР, 1956, № 50, с. 119—153. 7. Корпус боспорских надписей/Под ред. акад. В. В. Струве. М.; Л., 1965. 951 с. 8. Надписи Ольвии/Сост. А. А. Белецкий, И. Б. Брашинский. Л., 1968. 130 с. 9. Ранович А. Б. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи. — ВДИ, 1946, № 2, с. 66—80. 10. Ростовцев М. И. Военная оккупация Ольвии римлянами. — ИАК, 1907, вып. 23, с. 1—16. 11. Савостина Е. А. Римские имена в ономастике Северного Причерноморья. — СА, 1977, № 4, с. 129—145. 12. Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов в Римской империи. М., 1961. 319 с. 13. Dean L. P. A Study of Cognomina of Soldiers in the Roman Legiones. Princeton, 1916. 321 p. 14. Gordon M. L. The Nationality of Slaves under Early Roman Empire. — IRS, 1924, Vol. 14, p. 96—111. 15. Kajanto J. Supernomina. A Study in Latin Epigraphy. Helsinki, 1966. 115 p. 16. Latyshev B. Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini. 2 ed. Petropoli, 1916, Vol. 1, 594 s. 17. Ramsay W. The Social Basis of Roman Power in Asia Minor. Aberdeen, 1941. 306 p. 18. Zgusta L. Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. 466 S.

Поступила в редколлегию 15.12.83.

Ю. В. БУЙНОВ, канд. ист. наук,
А. С. КУЗЬМЕНКО

**ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МНОГОМЕРНОГО АНАЛИЗА
ДАННЫХ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ДЛЯ
РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ
В VIII—VI вв. до н. э.**

Классификация погребений с целью определения степени имущественной дифференциации и выделения социальных групп является одним из важнейших приемов реконструкции социальной истории древних племен и народов. Такой подход к изучению общественного развития в древности обусловлен исключительностью погребального обряда как основного археологического источника для исследования социальной структуры первобытных и раннеклассовых обществ. Особую важность погребальные памятники приобретают в тех случаях, когда об обще-

ственном устройстве различных этносов умалчивают письменные источники. В частности, в подобной ситуации оказалось население Среднего Приднепровья предскифского и раннескифского периодов (VIII—VI вв. до н. э.), погребальный обряд которого явился объектом исследования предлагаемой работы.

Социологическая интерпретация данного объекта основывается на историко-материалистическом учении об общественном развитии, согласно которому при разложении первобытно-общинного строя и зарождении классового общества происходит имущественное и социальное расслоение его членов. По определению Ф. Энгельса, с ростом производительных сил «происходила концентрация и централизация богатств в руках немногочисленного класса, а наряду с этим росло обнищание масс и возрастала масса бедняков» [1, с. 167].

Археологи по-разному подходили к выбору методики обработки данных погребального обряда. В большинстве случаев традиционно проводилось качественное исследование, условно называемое в историографии иллюстративным методом, при котором рассматриваются лишь некоторые погребения, отличающиеся либо размерами погребальных сооружений, либо ярко выраженной имущественной дифференциацией, а выводы о других делаются по аналогии. Именно такой подход был присущ всем исследователям погребальных памятников лесостепной Скифии, включая и Среднее Приднепровье. Основной его недостаток заключается в том, что при качественном анализе не учитываются все показатели памятника. В итоге и ныне во многих специальных работах отсутствуют четкие критерии выделяемых социальных групп и данные об их количественном соотношении.

Значительно более глубокое освещение и более содержательная интерпретация археологических источников возможна лишь с использованием количественных методов. При их применении необходимая детализация «достигается благодаря сопоставлению многих количественных показателей, и это открывает новые пути к эмпирической индукции» [15, с. 69]. В настоящее время имеется несколько разновидностей таких методик статистического анализа погребального обряда [4; 5; 11; 13], которые, однако, не обеспечивают создания типологии (классификации), основанной на одновременном анализе всей совокупности показателей социальной принадлежности объекта исследования и оценке их информативности. К тому же они не дают возможности оценить качество классификации и вероятность принадлежности каждого погребения к выделенным группам. В данном случае необходимо применение современных методов прикладного многомерного анализа, реализованных на ЭВМ.

Среди таких методов наиболее эффективными и перспективными являются факторный [7; 8; 14], кластерный [6] и компонентный анализы [2], с помощью которых в настоящей статье

делается попытка реконструировать социальную структуру населения Среднего Приднепровья предскифского и раннескифского периодов.

В качестве исходной информации для проведения опыта была отобрана группа из 83 неограбленных погребений киевской локальной группы лесостепной историко-этнографической области, раскопанных в бассейнах рек Тясмин и Рось преимущественно в дореволюционное время [9; 10]. Хронологически она охватывает сравнительно небольшой отрезок времени, соответствующий жаботинскому (конец VIII—VII вв. до н. э.) и старшему жуrowsкому (VI в. до н. э.) этапам в развитии культуры местного населения раннего железного века, но отличается большим разнообразием в обряде захоронения, погребальных сооружений, наборе погребального инвентаря. Поэтому закономерен вопрос о формировании массива исходных данных. Это очень ответственная стадия работы, от которой во многом зависит успешное проведение классификации погребений по социальному признаку. Суть ее сводится к предварительному тщательному отбору показателей с целью включения в анализ признаков, несущих самую существенную информацию об исследуемом явлении. Таковыми, по мнению В. Ф. Генинга, являются размеры погребального сооружения (прямые трудовые затраты), количество и качество инвентаря (овеществленный труд) [5]. Аналогичный метод оценки богатства инвентаря предлагают В. М. Массон и В. А. Алекшин [12; 3]. С учетом этих методических требований в матрицу исходных данных были включены следующие 12 признаков: 1) высота курганной насыпи; 2) длина могильной ямы; 3) ее ширина; 4) ее глубина; 5) изделия из железа; 6) изделия из бронзы; 7) золотые и серебряные вещи; 8) костяные изделия; 9) каменные изделия: кремь, песчаник; 10) изделия из драгоценных и полудрагоценных камней; 11) стеклянные (пастовые) бусы; 12) керамика.

Информативность выбранной системы признаков была проверена методом главных компонент. В табл. 1 приведена на-

Таблица 1

Ранг главных компонент	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Дисперсия	0,29	0,48	0,61	0,71	0,79	0,86	0,91	0,96	0,99	1,00	1,00	1,00

копленная дисперсия, соответствующая выделенным компонентам. Две последние по рангу компоненты несут дисперсию, равную нулю, следовательно, размерность пространства признаков можно уменьшить. Максимальные коэффициенты корреляции для 1 и 2 признаков (0,968), а для 7 и 10 признаков (0,973). Поэтому, сокращая размерность пространства признаков, сле-

дует отказаться от каких-то из них. Думается, что в последующих классификациях можно будет отбросить лишь 1 признак — высоту курганный насыпи. Для многих курганов эта величина не всегда имеет первоначальное значение по причине впускных захоронений, эрозии почвы, хозяйственной деятельности. Вторую пару признаков целесообразно сохранить, поскольку в части погребений они не всегда представлены и позволяют разделить выборку на мужские и женские захоронения.

Таблица 2

Номер признака	Средние значения признаков по группам								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
1	0,88	2,39	2,56	2,94	0,43	0,90	3,15	1,40	0,8
2	0,00	1,83	2,39	2,41	0,31	0,00	2,45	1,40	0,0
3	0,00	0,65	0,88	0,90	0,79	0,00	1,22	1,40	0,0
4	0,00	1,99	2,45	1,58	0,30	0,00	1,75	1,35	0,0
5	0,00	0,31	0,11	0,04	0,00	0,03	0,00	0,05	0,0
6	0,00	32,88	4,08	0,88	0,36	0,00	3,00	0,50	0,0
7	0,00	0,35	3,25	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,0
8	0,00	1,58	0,91	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	1,0
9	0,00	0,11	0,33	0,00	0,27	0,33	4,00	2,50	0,0
10	0,00	0,11	3,00	0,00	0,00	0,00	8,50	0,00	0,0
11	0,00	1,35	83,00	0,22	0,00	0,00	2,00	0,00	0,0
12	4,05	1,47	0,58	0,77	1,63	1,00	0,50	2,50	1,6

Количество погребений

12 16 13 18 10 4 4 3 2

После обработки на ЭВМ массива исходных данных методом Q-техники факторного анализа было выделено девять факторов-групп. Количество выделенных факторов определялось по *scree* — тесту Каттелла и тесту Баргмана. Девять факторов-групп учитывают 99,3% вариабельности объектов по 12 признакам, что является достаточно хорошим результатом. Отнесение объектов (погребений) к той или иной группе основано на выборе максимальной по абсолютному значению факторной нагрузки.

Характеристики полученных групп хорошо отражены в средних значениях признаков (табл. 2). Так, вторая, третья и седьмая группы заметно выделяются из числа прочих небольшим средним значением по высоте курганный насыпи, размерам погребальных сооружений, количеству изделий из бронзы, золота, драгоценных камней и стеклянных (пастовых) бус. Между собой эти группы различаются, главным образом, по средним значениям 6-го и 11-го признаков, т. е. отражает разделение на мужские (гр. II) и женские (гр. III, VII) захоронения. Последние дифференцированы в соответствии со значениями 10 и 11

признаков. Остальные семь групп характеризуются меньшими и даже нулевыми средними значениями большинства признаков, что отражает сравнительную бедность их погребального инвентаря. Основные различия, приведшие к подразделению этой общности (установленной по коэффициентам корреляций между факторами) на отдельные группы, видны в количестве керамических изделий, орудий труда и оружия из камня и в меньшей степени в размерах погребальных сооружений. Особняком по факторным нагрузкам стоит женское погребение (п.) № 78 в кургане (к.) № 100 у с. Синявка. В нем было обнаружено самое большое количество изделий из золота (98 экз.), драгоценных и полудрагоценных камней (114 экз.).

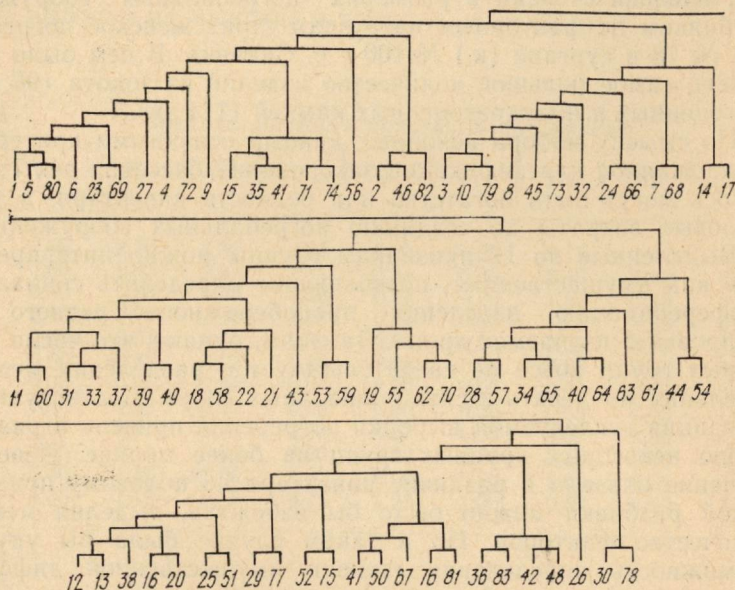
По смыслу набора исходных данных основными критериями предложенной классификации захоронений бассейна рек Тясмин и Рось могут быть богатство или бедность инвентаря, а также трудовые затраты по созданию погребальных сооружений.

Выделенные по 12 признакам группы можно интерпретировать как имущественные, позволяющие определить социальную дифференциацию населения правобережного Среднего Приднепровья в изучаемое время. Заметим, однако, что число полученных групп вовсе не свидетельствует о разделении местного населения на девять-десять социальных слоев. Достигнутая детализация исследуемой выборки погребений привела к раздроблению некоторых крупных групп на более мелкие. Известное значение оказало и различие инвентаря по половому признаку. Такой разбивки можно было бы избежать, выделяя меньшее количество факторов. Но в таком случае была бы упущена возможность определения степени имущественной дифференциации среди рядовой части населения и установления иерархии в верхушке общества, так как сокращение числа факторов ведет к выделению самых ярких черт в структуре изучаемой выборки погребений.

Для подтверждения полученных результатов и достижения желаемого уровня детализации авторы использовали кластерный анализ, который позволяет найти «тонкую структуру» более общей группировки, выделенной с помощью Q-техники. Поскольку этот метод использует отличные от факторного анализа принципы, то сравнение результатов применения позволяет с большей уверенностью выделять черты, объективно присущие изучаемым объектам.

Данные кластерного анализа представлены на рисунке в виде дендограммы (рисунок). Она построена по принципу объединения в кластеры близких в пространстве признаков объектов и групп объектов. Более высокому уровню объединения (кластеру) соответствует большее расстояние между объединяемыми объектами — группами или кластерами нижнего уровня. Анализ дендограммы показывает, что вся выборка разделяется на два сложных по структуре кластера высокого

уровня, полностью соответствующих двум группировкам (II, III, VII и I, IV—VI, VIII, IX группы), выделенным Q-техникой факторного анализа. В свою очередь, каждый из них состоит из нескольких кластеров более низкого уровня. В целом же они достаточно полно отражают общность именно тех погребений, которые сгруппированы факторным анализом. Имеющиеся расхождения очень невелики и не искажают смысла получен-

Цифры перед названием населенного пункта соответствуют порядковому номеру курганов в матрице исходных данных и обозначениям на дендрограмме 1—8, 30 — (Гуляй-Город, к. 38, п. 1; к. 42; 43; 48; 308, п. 1; п. 2; 330; 33). 9, 10 — (Журовка, к. 407, п. 1; п. 2). 11—13 — (Константиновка, к. 9; 15; 376). 14—16 — (Макеевка, к. 454; 460, п. 1; п. 2). 17—24 — (Оситняжка, к. 2; 5; 6; 7; 8; 10; 12; 471). 25—26 — (Рыжановка, к. 1, 5). 27 — (Теклино, к. 346). 28—29, 31—39, 42 — (Тенетинка, к. 107; 113, п. 1; 135; 158; 164; 173; 174, п. 1; п. 2; 185; 211, п. 1; 220; 211, п. 2). 40 — (Яблоновка, к. 70). 41, 43—44 — (Берестяги, к. 42; 46; 48). 45—52 — (Бобрица, к. 35, п. 1; п. 2; 86, п. 1; п. 2; 87, п. 1; п. 2; 90, п. 1; п. 2). 53 — (Бурты, к. 375, п. 1). 54—55 — (Гамарня, к. 1; 7). 56—57 — (Емчиха, к. 375, п. 1; п. 3). 58 — (Забара, к. 321). 59—62 — (Зеленки, к. 220; 296; 319; 343). 63—65 — (Кагарлык, к. 236; 238; 275). 66—67 — (Казаровка, к. 27, п. 1; п. 2). 68—71 — (Куриловка, к. 13; 68; 74; 77). 72—73 — (Лазурцы, к. 2; 418). 74—76 — (Медвин, «Средний», п. 1; п. 2; п. 3). 77 — (Рассава, к. 1). 78—80 — (Синявка, к. 100, п. 1; п. 2; п. 3). 81 — (Студенцы, к. 58). 82—83 — (Матусов, Репяховатая могила, п. 2; п. 3).

ной типологии. Напротив, кластерный анализ позволил с еще большей четкостью отразить самые существенные различия между погребениями и их группами по имущественному положению умерших. К примеру, во второй группе выделилось

несколько захоронений, отличающихся от остальных, близких им, погребений количеством и качеством инвентаря, размерами погребальных сооружений, что, как будет показано, обусловлено их неравным общественным положением.

Опираясь данными этих методов многомерного анализа, попытаемся осуществить социологическую интерпретацию выделенных групп. Начнем с совокупности, образованной I, IV—VI, VIII и IX группами. Как было отмечено, она характеризуется немногочисленностью вещей, отсутствием изделий из благородных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней. Подобные характеристики обычно присущи погребениям свободных общинников — земледельцам и скотоводам лесостепной Скифии. Количество групп указывает на сильное имущественное расслоение в их среде. При этом, разбиение на I, VI и IX группы отражает существование беднейших слоев свободных общинников, захороненных по обряду кремации или ингумации в насыпи и на горизонте. Группы IV и VIII могут быть интерпретированы как захоронения зажиточных общинников с малым количеством оружия (1—2 стрелы, в единичных случаях — кремневое копьё или кинжал), в деревянных гробницах и под сравнительно высокими курганами. Разделение этой социальной прослойки на две группы произведено по половому признаку (IV — женщины, VIII — мужчины). Промежуточное положение между беднейшей частью свободных общинников и их верхушкой занимают десять погребенных лиц V группы, которые по набору инвентаря близки VI и IX группам, а по размерам погребальных сооружений сходны с IV группой.

На другом полюсе по имущественному положению находятся захоронения, относящиеся к II, III и VII группам. Первые из них образуют группу воинов-мужчин. Причем соответствующий им кластер разделяет воинов, выделившихся, очевидно, в отдельное сословие, на более мелкие подгруппы. К одной из них относятся погребения воинов с защитным доспехом, конской уздой и разнообразным оружием из к. № 38, 308 у с. Гуляй-Город и № 2 у с. Лазурцы. По характеру вооружения они могли быть при жизни военными вождями. В особые кластеры попали богатейшее захоронение из к. № 346 у с. Теклино (Орловец) и погребение юноши в к. № 43 у с. Гуляй-Город, на шее которых были соответственно золотая и бронзовая гривны, что позволяет считать их представителями племенной знати. Остальные погребения (см. к. № 1, 4, 6, 15, 23, 35, 56, 69, 72, 74) объединяют, скорее всего, захоронения воинов-профессионалов. Наконец, погребение мужчины с двумя железными наконечниками, тремя уздечными наборами, но без оружия и в сопровождении женского захоронения с переносным блюдом-алтарем в к. № 407 у с. Журовки вполне можно интерпретировать как жреческое.

III и VII группы, различающиеся между собой по количеству и качеству бус, связаны с богатейшими женскими погребениями, часто входящими в состав парных или коллективных захоронений. Это обстоятельство осложняет определение их социального положения и влечет за собой необходимость дополнительной информации. Одиночные погребения могли принадлежать женщинам из семей воинов, о чем свидетельствуют наконечники стрел (1—3 экз.), входящие в состав типично женского инвентаря. Примером захоронений из парных могил может быть VII группа, состоящая из трех погребений (№ 2, 46, 82). К самым знатым слоям общества относились женщины с роскошными головными уборами, расшитыми золотыми пластинами и бляхами, с длинными низкими драгоценных бус на шее, погребенные вместе с сопровождающими лицами в к. № 35 у с. Бобрица и № 100 у с. Синявка. Данные признаки сближают их с представителями семей вождей племенных союзов.

Иную интерпретацию необходимо дать некоторым женским захоронениям из III и IV групп. Так, женский скелет из к. № 407 у с. Журовка лежал скорченно в ногах мужчины-жреца, а в к. № 174 у с. Тенетинка рядом с мужчиной-воином было женское погребение по обряду трупосожжения. Выраженное в такой форме прямое подчинение женщин указывает на их возможную принадлежность к наложницам. К группе подчиненных лиц-служанок вполне можно отнести женщин с ожерельями, зеркалами и каменными блюдами с румянами, костяки которых лежали перпендикулярно основным женским захоронениям из к. 35 у с. Бобрица и 100 у с. Синявка. Слуги (рабы?) выделяются и в коллективных погребениях «Среднего» кургана у с. Медвин и Репяховатой могилы. В первом случае небогатая женщина лежала между мужчиной и женщиной с богатым инвентарем, но была ориентирована в противоположном им на правлении, а во втором — подросток лежал скорченно на боку и сопровождал богатого воина и знатную женщину.

Таким образом, с помощью методов факторного, кластерного и компонентного анализов в выборке из 83 неограбленных захоронений удалось обоснованно выделить несколько имущественных групп и дать их содержательную социологическую интерпретацию. Полученные данные позволяют представить социальную структуру общества правобережных племен начала раннего железного века в следующем виде: крупная общинная знать — вожди племенных объединений и племен; сословие воинов — военные вожди и воины-профессионалы; жрецы; свободные общинники — зажиточные, среднего достатка и бедные; подчиненные лица — наложницы, слуги и рабы (?). При этом следует заметить, что социальная структура, отраженная в предложенной социологической реконструкции, сложилась у лесостепных племен Правобережья к VI в. до н. э.

Для анализа данных в настоящей работе были использованы программы из пакетов статистических программ [16] и [17].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21. 2. Айвазян С. А., Бежаева З. И., Староверов О. В. Классификация многомерных наблюдений. М., 1974. 321 с. 3. Алекшин В. А. Погребальный обряд как археологический источник. — КСИА АН СССР, вып. 167, с. 3—9. 4. Буна-
тян Е. П. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских
могильников. — В кн.: Теория и методы археологических исследований.
К., 1981, с. 136—184. 5. Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика
статистической характеристики и сравнительного анализа погребального
обряда. — В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1975, с. 42—72.
6. Дюрэн Б., Оделл П. Кластерный анализ. М., 1978. 198 с. 7. Жуковская
В. Н., Мучник И. Б. Факторный анализ в социально-экономических исследо-
ваниях. М., 1976. 151 с. 8. Иберла К. Факторный анализ. М., 1980. 398 с.
9. Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. К., 1975.
222 с. 10. Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне
р. Рось. К., 1981. 160 с. 11. Леонова Н. В., Смирнов Ю. А. Погребение как
объект формального анализа. — КСИА АН СССР, вып. 148, с. 16—23. 12. Мас-
сон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 176. 191 с.
13. Назаренко В. А. Классификация погребальных памятников Южного
Приладожья. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.,
1970, с. 191—201. 14. Харман Г. Г. Современный факторный анализ. М.,
1972. 498 с. 15. Хаостова К. В. Роль количественных методов в историческом
познании. — Вopr. истории, 1983, № 4, с. 62—76. 16. Biomedical Computer
Programs (BMD). Ed Dixon W. J. Univ. of California Press. Los Angeles, 1977,
86 p. 17. Biomedical Computer Programs (BMDP). Ed Dixon W. J. Univ.
of California Press. Los Angeles, 1977, 82 p.

Поступила в редколлегию 30.10.83.